Антикопирайт

Миша Вербицкий

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Миша Вербицкий – математик, автор монографии и более 30 научных статей.

В этой книге он в образных и емких выражениях обличает античеловеческую сущность копирайта и интеллектуальной собственности.

«У русских имеется испытанный десятилетиями способ борьбы с копирайтом, культурной оккупацией и тупым свинством разжиревших бюрократов. Как только то или иное произведение изымается из обращения на основе нарушения „копирайтов“, вступает в действие самиздат – запрещенный текст копируется из рук в руки, пока он не станет доступен каждому, в ком жив патриотизм и свобода. Сторонники интеллектуальной собственности, копирайтов, гамбургера и кока–колы могут победить Россию, но для этого им нужно убивать по миллиону жителей не в год, а ежедневно.

А пока Россия жива, о копирайте, на территории, населенной русскими, говорить некому – и не с кем.

Копирайта у нас нет.»

- Миша Вербицкий
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Книга первая:
    -
    - История копирайта в гутенбергову эпоху
    - Ситуационизм
    - Антикопирайт: начало пути
    - После ситуационизма
    - Психоделия и пост–структурализм
    - О постмодернизме и политической корректности
    - Панк
  - Книга вторая:
    -
    - Ричард. М. Столлман
    - Калифорнийская идеология.
    - К вопросу о сердце зла
    - Победа и закат киберпанка
    - Who killed the JAMS, или
  - Книга третья
    -
    -
    - ...these guys are from England... and who gives a

shit!
        - Fair Use: экспансия копирайта и смерть культуры
        - Разговоры в пользу богатых или
        - Копирайт и коммунизм
    - Книга четвертая:
        -
        - Business Software Alliance
        - Интернет и копирайт
        - Digital Millennium Copyright Act
        - Война за сайентологию
        - Глобализм и копирайт
        - Европейская Директива По Копирайту (EUCD) и Гаагская Конвенция
        - Копирайт против компьютера
- notes
    -

Миша Вербицкий
АНТИКОПИРАЙТ

ПРЕДИСЛОВИЕ
Казнь воровства

Концепция «автора» появилась вместе с наступлением «буржуазной антропологии». Вместо человека как маски (персоны) появился человек–индивидуум, человек–атом. До этого, меняя имя, человек менял себя. А еще чаще он выступал как проявление более общего начала, связанного с антропологической стихией метафизической идеи. Например, крестьянин он и есть крестьянин… Имя он обретал в Церкви, как крещенный крестьянин, профессия его определялась традициями, жизнь – обрядами и инстинктами, и мир был чудесным, полным неожиданностей, золотой крови, ядовитых трав, угловатых бровей и полных лун.

Рыцарь он и был рыцарем, вспарывал животы и украшал доспехи перьями и дамскими перчатками, а изнутри била общая воля, великая страсть, сладостный мрак действия… И как его звали, было все равно… Все, что он совершал, совершало нечто иное, нежели он… Средневековье понятно только из тамплиерского «Non nobis, Domine, non nobis…» Об этом все сказано. Человека как такого нет, есть человеческое, и его содержание есть самопреодоление.

Творчества нет, есть открытость внутренним ветрам и ярость к внешним преградам. И творец есть медиатор стихий. Либо медиатор стихий, либо полное дерьмо. Но стихии не принадлежат никому. Только тот вор, кто объявляет собственность на работу стихий. Он вор заведомо, и ему следует отрубать руку – пусть не по локоть, только пальцы. Все держатели копирайта – воры. Труд есть стихия всеобщего братства. Война ли, разрушающая вещи, мир ли, вещи созидающий – это дело всех. У каждого есть только одно – трудись и ликуй, пока вращается колесо бытия… Все принадлежит всем. Не когда–то потом – здесь и сейчас. Иначе никогда и не было. Отдай немедленно свою ложку… Она носит на себе знак абсолютного ужаса. «Твое» и «мое» не существует. У кражи нет юридического обоснования, и наоборот, если кража ложится в основу закона, то такой закон – закон воров.

Антикопирайт Миши Вербицкого обаятелен своей доказательностью и умеренностью тона. Вербицкий подкупает тем, что молнии вибрирующей онтологии выдает обстоятельно и развернуто, имитируя аргументированность и насыщая информацией. Так начинается буря… Легкая серость края небес,

первая нервозность волн...

Те, кто придумали копирайт, соблюдают его, защищают его, стоят на страже малиновой смерти, расфасованной по брикетам отпущенного нам существования. Это не фокус зла, но внимание к любой точке шкуры зла делает ее фокусом. Самое ли это уязвимое место? Не берусь выносить суждения. Меня радует сам вектор... Даже если это не самое главное и не самое эффективное, каждый, кто встает на нашу сторону, учится наносить удары и сохранять вертикальное положение среди руин, достоин максимального уважения.

Наша задача взять буржуазию в клещи – и справа (традиционализм) и слева (социализм–анархизм). Какая разница – почему, собственно, буржуа должен умереть? Здесь мы начнем бессмысленные споры. А в том, что он должен умереть, мы согласны. Конечно, лучше сделать еще один шаг и утвердить за пределом негации, новую блистательную аффирмацию – где повенчаются не догмы, но интуиции... Но это – цель. Ни сушей, не морем, однако...

Антикопирайт Вербицкого это cri de guerre очень интересного явления – в современной России, оказывается, есть те, кто способен прочесть и применить к актуальности гошистский импульс. Уже на родине гошизма полный штиль, а кто–то в Москве – помнит, понимает, мыслит... Вербицкий – настоящий современный российский левый. Они могут быть только такими, все остальные издания будут недоразумением. Как и Хаким–бей Вербицкий свидетельствует – «левое подошло к теме онтологии и традиционализма, впереди система тонких слияний». Это чувствуется в «Антикопирайте», хотя напрямую и эксплицитно это не развито. Так еще интереснее – у свободной экзегетической работы остается достаточная полоса свободы.

Вы не сможете квалифицировать книжку Вербицкого и не измениться. Поэтому вы насупитесь, начнете неуклюже шутить, дрожь пробежит по щеке, губы слегка скривятся. Поэтому вы не станете ее читать. Читать ее, действительно, без толку, если вы не умеете стрелять из рогатки.

А.Дугин

Книга первая: СИТУАЦИОНИЗМ, ПСИХОДЕЛИЯ, КОПИРАЙТ

...Копирайт был призван регулировать производственные отношения, но сейчас это далеко не так; копирайт ведет к драконовским законам, ограничивающим возможности всех и каждого.

Копирайт ограничивал издательства в интересах авторов. Сейчас копирайт ограничивает публику в интересах издательств.

В Советском Союзе к этому относились с огромным вниманием. Неразрешенное копирование и распространение текстов называлось Самиздат; для преследования его, был разработан целый набор методов. Во–первых – охрана наблюдала за каждым копировальным аппаратом, проверяя, чтобы никто не копировал ничего недозволенного. Во–вторых, жестокие наказания для тех, кто был пойман за размножением запрещенного самиздата. В–третьих, система информаторов: населению предлагалось стучать на соседей и сотрудников в компетентные органы – информационную полицию. В четвертых, коллективная ответственность. Круговая порука: «Ты! Следи за своей группой! Если я поймаю хоть одного из вас за самиздатом, вам всем не поздоровится. Так что наблюдай тщательнее». И пятое – пропаганда: с самого детства тебя убеждали, что только ужасному врагу народа

придет в голову такая ужасная вещь, как незаконное копирование.

Соединенные Штаты используют все эти меры.

(Ричард Столлман, выступление на форуме «Копирайт и глобализация в эпоху компьютерных сетей»).

Под копирайтом давайте понимать право собственности на интеллектуальный продукт. Терминологически, интеллектуальная собственность – более широкое понятие, и копирайт есть лишь один из частных случаев его. Технически говоря, интеллектуальной собственностью является право на торговую марку, логотип, патенты и много других вещей (скажем, право на доменное имя).

Мы будем терминологически неаккуратны.

История копирайта в гутенбергову эпоху (1666–1980)

Не считая анекдотических историй о пифагорейце, убитом подельниками за разглашение тайны об иррациональности корня из двух, самой *концепции* интеллектуальной собственности не было вплоть до Нового Времени. Говоря о копирайте, мы все по необходимости говорим о явлении сугубо современном.

Историю копирайта отсчитывают с 7 апреля 1710 года: британский парламент издает закон о копирайте (Statute of Anne). Новый закон ограничивал права книгоиздателей определенным сроком, с тем чтобы предотвратить монополию. Дальше книжка поступала в public domain и ее могли печатать все желающие. До того, права на издание книжек защищались законом о лицензиях 1662 года; книгоиздатели, уплатив определенную сумму в казну, получали лицензию на монопольное издание книги.

В конституцию США вписан закон, аналогичный английскому копирайтному законодательству: «Для развития наук и искусств, Конгресс может закреплять за авторами и изобретателями исключительные права по использованию их работ на ограниченный срок». Впрочем, вплоть до 1950–х этот закон на практике относился почти исключительно к работам, авторами которых были американцы; до конца 1950–х европейские писатели были бессильны воспрепятствовать распространению пиратских изданий своих книг в США.

Известное пиратское издание «Хоббита» и трилогии Толкиена (неполное и с идиотскими иллюстрациями на обложке) до сих пор встречается чаще других изданий в американских букинистических магазинах; Толкиен судился с пиратами много лет, но так ничего и не поимел – и на обложке следующего, авторизованного издания (1960–е) содержатся его предостережения не покупать книжки у пиратов.

Во Франции копирайт приобрел легальный статус только в 1791–м году, хотя первое общество охраны авторских прав (Societe des Auteurs et Compositeurs Dramatiques) организовал еще в 1777 г. Бомарше. В 1841 Ламартин написал проект международного закона о копирайте, а в 1866 году президент SACD и главный французский статусный писатель Виктор Гюго основал международную версию этого общества, под названием International Literary and Artistic Association. В 1886–м году эта самая ассоциация написала Бернскую Конвенцию, которая до сих пор остается главным международным документом о копирайте.

И тем не менее, копирайт (как и концепция интеллектуальной собственности в целом) оставался достаточно абстрактным понятием; делать миллионы с чужого авторского продукта пожалуй и возбранялось (вне США по крайней мере); но ни цитирование, ни некоммерческое использование, ни копирование для частных нужд, ни включение цитат и аллюзий из чужого авторского продукта в собственный на практике никак не преследовались; да и не могли, за недостаточно разработанной юридической базой. Реальный и абсолютный статус копирайтное законодательство приобрело только в конце 1950–х, с распространением Бернской Конвенции о копирайте и разработке копирайтных уложений Юнеско – Universal Copyright Convention (впрочем, СССР подписал Бернскую Конвенцию только в 1973–м, США – в 1988–м, а Китай аж в 1992–м).

Впрочем, функции копирайта в современном обществе, и его же функции в викторианскую эпоху были принципиально разными. Бернская Конвенция была основой для судебного разбирательства между автором и издателем; с ее помощью автор защищал свои права от недостаточно скрупулезного издателя. В эпоху электронных медиа, копирайт служит защите издателя (хозяина прав на публикацию) от использования этих прав частными лицами, причем автор зачастую оказывается в числе потерпевших наряду с этими самыми частными лицами; об этом см. главу «„U2“ vs. „Negativland“» настоящего исследования.

В Англии Тюдоров и вплоть до начала XVIII века, интеллектуальная собственность регулировалась пожалованным короной правом на монопольное использование интеллектуального продукта. Слово патент происходит именно от этого: имеется в виду пожалованный короной патент на монополию. В большой степени, английское копирайтное законодательство имело своей целью ограждение почтенной публики от этих самых монополий. Из «интеллектуалов», на поприще борьбы за интеллектуальную собственность отличился один Бульвер–Литтон, прославившийся тем, что породил выражение «бульварная литература» (этимологически, она «бульварная» не в честь бульваров, а в честь этого самого борца и оккультиста).

Во Франции, напротив, единственной интенцией копирайта была эмансипация автора интеллектуального продукта от возможной эксплуатации театральными воротилами и издателями. Французский подход к копирайту гораздо более идеалистичен, а значит более абсолютен; соответственно, во Франции XVIII–XIX веков копирайтами занимались не адвокаты, а самая что ни на есть пафосная «интеллектуальная элита».

Бернская Конвенция была продуктом копирайтного абсолютизма французских статусных интеллектуалов.

Ситуационизм 1952–1968

Спектакль – это не совокупность образов; нет, Спектакль это общественные отношения, обусловленные образами.

Ги–Эрнст Дебор, «Общество Спектакля».

Марксизм интерпретировал собственность как основу властных отношений; борьба левых идеологий с частной собственностью была в первую очередь борьбой против Власти. Прудону принадлежит известное высказывание «собственность это кража»; по другому случаю, Прудон сказал «собственность это свобода». С точки зрения анархиста, собственность есть зло постольку, поскольку она позволяет власти угнетать индивида; и добро постольку, поскольку она позволяет индивиду сопротивляться угнетению.

Копирайтное законодательство было предложено и разработано людьми достаточно левых взглядов; его содержанием была защита индивида (автора) от власти денег. В рамках традиционных (марксистских и анархо–синдикалистских) левых идеологем, копирайт был явлением сугубо позитивным. Разумеется, в рамках идеологем охранительных копирайт был не менее хорош (европейские правые, за редчайшими исключениями, всегда выступают в защиту собственности). Движение против копирайта невозможно в рамках традиционной правой и традиционной левой; именно поэтому антикопирайтные тенденции не были озвучены вплоть до начала 1950–х.

В известной фразе «Марксизм всесилен, потому что он верен» (или наоборот) содержится достаточно глубокая мысль. Марксизм – гораздо больше, чем философия; марксизм это комплекс идеологии, этики, эстетики, эсхатологии и эпистемиологии, призванный (в комплексности) объяснять все вообще и давать ответ на все вопросы. Мышление марксизма тотально; марксизм позиционирует себя в качестве непримиримой оппозиции существующему порядку вещей и тотальности установившейся понятийной системы. Подобным образом позиционировало себя христианство; но за два тысячелетия, предшествовавших марксизму, других тотальных анти–системных философий не было создано.

Значение ситуационизма не в его анти–системности; анти–системных философий вагон. Ситуационизм был первым (после марксизма) и единственным учением, интегрировавшим набор анти–системных учений в тотальную парадигму, все объяснявшую и дававшую ответ на все вопросы. Ситуационизм был тотален; тотальнее Фрейда, Дарвина и Эйнштейна. Охват ситуационизма был даже шире, чем у марксизма – ситуационисты были в первую очередь художниками, и базировали свои философские заключения на практике актуального искусства.

И основой, краеугольным камнем и фокусом ситуационистской философии был – *антикопирайт*.

Так вышло, что во французском статусном интеллектуальном эстаблишменте, вплоть до 1950–х, не слышали о Гегеле. Первые послевоенные десятилетия французская контр–культурная элита (от математического семинара Бурбаки и до пост–структуралистов) провела под знаком гегельянства. Прочтенный в гегелевской оптике, ранний Маркс приобрел черты совершенно новой, авангардной, сюрреальной тотальности.

Основой политического учения ситуационистов были работы раннего Маркса об *отчуждении*. Современность, учил Маркс, невыносима в силу механического отчуждения трудящегося от продуктов его труда. Ситуационисты, чьим лозунгом было «отношения должны строиться на терроре, если не на страсти», усмотрели отчуждение в механизации общественных отношений и придали ему абсолютный статус. Одно дело – изготовление вещи на заказ для живого человека; другое – непонятное завинчивание гайки на конвейере. Отчужденный труд – чудовищное преступление против природы; куда лучше воровать и заниматься проституцией, чем работать на этот бездушный, античеловеческий, вредоносный механизм.

Печать отчуждения виделась ситуационистам и в поздних работах Маркса; одно дело выступать на баррикадах в разгар революционной борьбы 1848 года, другое дело писать трактаты в кабинете Британского Музея. Учение Маркса о кризисах капитализма потерпело фиаско, поскольку государство оказалось способно регулировать кризис. Потерпело фиаско и учение Маркса о социалистической революции: победа большевизма в России доказала, что диктатура пролетариата приводит к такому же отчуждению, как и диктатура буржуазии. Но корень этого поражения лежал глубже – в различии между пролетариатом и репрезентацией, *изображением пролетариата*, которое (будучи во всем противоположностью пролетариата) подменило пролетариат. Марксизм погубило невнимание к различению опыта и репрезентации опыта.

Ситуационисты учили, что мир вступает в новую фазу развития – в фазу Спектакля, общества зрелищ. Спектакль это подмена опыта, переживания – его репрезентацией; по сути общество Спектакля это диктатура медиа. Отчуждение трудящегося от продукта труда приобрело характер наиглобальнейший: люди Общества Зрелищ отчуждались от их же собственных личных переживаний. Там, где у Маркса говорилось об отчуждении продукта, ситуационисты говорили об отчуждении субъекта бытия от бытия и от субъектности.

Спектакль это отчуждение, коммодификация образов. Спектакль – Общество Зрелищ – отчуждение образов – наступает, когда образ перестает быть всеобщим, бесплатным ресурсом; перестает быть свободным даром. Спектакль это когда образ становится продуктом потребления. Спектакль это образы, регулируемые безличными, механическими, имущественными отношениями; *Спектакль это копирайт.*

Речь идет об обществе тотального контроля над отчужденными образами, обществе тотального промывания мозгов; но промывания настолько тотального и вкрадчивого, что оно незаметно даже тому, кто этим промыванием занят. Мир непосредственного опыта был целиком и полностью заменен на мир медийной репрезентации; и в силу тотальности этой замены, обнаружить ее из непосредственного опыта невозможно.

В подобной ситуации оказался персонаж «Уловки 22», у которого на глазах были мухи; он не мог их видеть. Почему? Да потому что на глазах у него были мухи.

Параллели существуют, разумеется, с учением Фрейда и Юнга о подсознании, и с ленинскими тезисами о партийности литературы.

У Маркса в основе отчуждения лежало разделение труда; в ситуационизме причиной отчуждения был – Спектакль; непрекращающийся монолог власти, окончательно отождествивший доминантный дискурс и Капитал. По Марксу, перепроизводство должно приводить к кризисам; согласно Ги Дебору (автору классического текста «Общество Спектакля»), перепроизводство приводит к накоплению капитала, который трансформируется в образы Спектакля.

Механика этого достаточно самоочевидна. В традиционной (товарно–денежной) экономике, кризис перепроизводства логически неизбежен, как смена времен года и как дважды два. Рост производительности труда приводит к избыточному производству товаров; в результате, предложение превышает спрос, цены падают и само производство становится экономически невыгодно. Впрочем, и в ситуации, когда роста

производительности труда не происходит, кризисы неизбежны. Экономическая система, подчиняющаяся рыночным законам Адама Смита, будет испытывать хаотические колебания с постоянно увеличивающейся амплитудой при числе товаропроизводителей, превышающем 3; сия математическая теорема хорошо известна и неизменно подтверждается практикой.

Кризис перепроизводства удалось преодолеть государственным регулированием и искусственным увеличением потребностей, насаждением культа потребления: рекламы и вкрадчивых пара–рекламных трансляций. По мере роста производства, все большая часть произведенного продукта относится к сфере образов; тем интенсивнее идет замена непосредственного опыта на опыт симулятивный; и тем тотальнее оказывается власть Спектакля и Капитала. По сути, Капитал (Спектакль) оказывается чем–то вроде наркотика, вызывающего бесконечно увеличивающуюся потребность в себе самом. Таким образом, учат нас ситуационисты, Капитал (вопреки предсказаниям Маркса) оказался непобедим и всесилен.

Учение о «виртуальной реальности» а ля фильм «Матрица» воплотилось в насущной реальности без всяких там научно–фантастических подробностей. У человека Современности в глазах – мухи.

Одним из следствий этой теории было отрицание труда. Трудящийся Спектакля, как некий брюсовский Рабочий, строит тюрьму для себя и своих братьев. В Манифесте Леттристов (1953) говорилось

> ...Каждый, кто работает, занят лишь тем, что помогает полицейскому сыску. Современное общество таким образом разделяется на леттристов и полицейских осведомителей. Все существующие ныне системы взглядов и формы верований ущербны. Нет нигилистов, одни только импотенты. Практически все запрещено. Растление несовершеннолетних и наркомания – это лишь часть наших усилий, направленных на преображение пустоты бытия. Наши товарищи сидят в тюрьме за воровство. Мы протестуем против наказаний, которым подвергаются люди, осознавшие, что работать совершенно необязательно. Об этом вообще незачем разговаривать. Человеческие отношения должны быть основаны на страсти, если не на терроре.

Антикопирайт: начало пути
Крестовый поход против копирайта: Франция, 1950–е

NEVER WORK
Never gonna work
Always gonna play
Pleasure, pleasure, every day

I know they will try to stop us
But we must never let them

Never work
Never work
Never work
Never work

(Mekons,

«Retreat from Memphis»)

Марксистская экономика была основана на освобождении труда; до–марксистская экономика – на товарно–денежных отношениях. Основанием экономики ситуационистов был *потлач*.

Основоположником этой экономической теории следует считать Марселя Мосса, французского антрополога и исследователя социального устройства американских индейцев. Экономика индейцев была основана на ритуальном обмене дарами; отсюда и потлач. Действительно, экономика товарного обмена, исторически, изобретение совсем недавнее; человеческому существу гораздо естественнее и приятнее дарить, чем торговать. Жорж Батай развил исследования Мосса в экономическую теорию, пригодную для современности – он утверждал, что движущей силой экономического благополучия является не обмен, но *трата*. Сие хорошо известно из кейнсианской экономики: увеличение затрат приводит к оздоровлению и росту.

В рамках ситуационизма, денежно–товарная экономика отвергалась как нечто иллюзорное. Ситуационисты не признавали товарно–денежные отношения, поскольку считали, что их

заменил механизм репрезентации. Попросту говоря, во времена адама–смита, человек–субъект–экономики шел на рынок и покупал там отрез обоев или сахарную голову; человек–субъект–экономики выбирал самую дешевую–вкусную голову–сахара и самый дешевый–прочный–яркораскрашенный отрез–обоев, тем самым осуществляя гармонию спроса и предложения. Во времена ги–дебора, человек–лишенный–субъектности идет в супермаркет и покупает там воду «диетическая–кока–кола» либо сигареты «филип–моррис», которые он видел по телевизору и на рекламном плакате; человек–лишенный–субъектности выбирает ту воду и те сигареты, реклама которых наилучшим образом соответствует обусловленному доминантным дискурсом представлению об окружающем мире. На самом деле, и диетическая кока–кола, и сигареты откровенно вредны; заменитель сахара нутрасвит, используемый в кока–коле, не только не питателен, но и вызывает рак у лабораторных животных. Это, кстати, на банках с кока–колой мелким шрифтом так и написано: «Нутрасвит вызывает рак у лабораторных животных». Потому что вызывает рак.

«Кока–кола» следует произносить с ударением на второй слог: «кокА–кола».

В «развитых странах» в производство товаров вкладывается в десятки раз меньше средств, чем в позиционирование товара; известно, что 80% бюджета корпорации Кока–Кола уходит в рекламу. И это не говоря уже о том, что кока–кола и прочие фруктовые воды попросту вредны и являются главной причиной катастрофического ожирения молодых американцев.

«Информационное общество», общество, где основным производством становится производство образов – это Общество Спектакля. И это общество – тирания куда более жесткая, неизбывная и безнадежная, чем любой тоталитаризм; человек, мозги которого контролируются через перепроизводство рекламных образов, управляется гораздо эффективнее, чем узник ГУЛАГа.

Тирания – это система односторонней трансляции, потребления и накопления образов; сопротивление тирании может заключаться только в разрушении этого механизма. Другими словами, сопротивление тирании это равноправное участие всех и каждого в создании и трансляции образов.

В этой ситуации, роль полиции исполняет спектакль – вся совокупность односторонних коммуникаций. Наручники на теле субъекта культуры это механизм авторства, а революционная акция есть любая акция, размывающая и разрушающая авторство. Ситуационисты практиковали новое искусство – detournement –

искусство коллажей и осквернения классических и современных образчиков академической и массовой культуры.

А основным злом, основным полицейским механизмом являлся институт фиксации авторства: копирайт. Ситуационисты публиковали тексты под грифом «No copyright. No rights reserved» и считали своим первейшим долгом посильное нарушение чужого копирайта. Плагиат воспринимался как нечто необходимое. «Плагиат необходим. Плагиат использует авторские идиомы, уничтожает ложные мысли, заменяет ложное правильным», – говорил Ги Дебор.

После ситуационизма 1968–1994

Заключенный: *...Со смертью Дебора кончилась история авангарда этого столетия...*

Тюремщик: *Революция окончена! Наконец–то освободилось место для гуманистических ценностей левого менеджмента, объединившего эффективность либеральной экономики с социальной справедливостью.*

Заключенный: *Ну ты и пизда! Отныне Новая Правая одна и может покончить со Спектаклем и рынком.*

(из комикса, помещенного в статье «Debord est mort ... vive Debord!»,

Шарль Шампетье, «Элементы» #82, 1996)

В 1968–м году по движению ситуационистов был нанесен удар, от которого оно (движение) не оправилось никогда. Мировое зло виделось ситуационистами в образе односторонней коммуникации; организация революционного движения, будучи по сути именно что односторонней коммуникацией, представлялась им вроде злокозненного пережитка сталинизма. Ситуационизм фетишизировал спонтанность социального протеста; в партийных документах выступления каких–нибудь перуанских крестьян всегда перетолковывались как ситуационистские, а сами крестьяне немедленно записывались в бессознательные ситуационисты.

Так продолжалось довольно долго; но одно дело полумифические перуанские крестьяне, а другое дело студенты, распропагандированные лозунгами Интернационала Ситуационистов. К революции 1968–го года, проходившей под их собственными лозунгами, ситуационисты оказались совершенно не готовы. Тем неожиданнее было поражение этой самой революции и немедленное превращение «революционных студентов» в зажравшихся буржуа и карьеристов. Дебор распустил

Интернационал Ситуационистов в 1972–м; к тому времени, в этом самом Интернационале состояло всего два человека.

Спектакль это не совокупность образов, но общественные отношения, обусловленные образами; и так вышло, что из всех послевоенных событий построенная на образах SI революция 1968–го года ближе всего приблизилась к чистому, беспримесному артефакту Спектакля. Подобного издевательства ситуационизм вынести не смог и скончался.

Дебор покончил с собой в 1994–м году. За 7 лет до этого он опубликовал свою последнюю работу – Комментарии к «Обществу Спектакля»; здесь он развивает теорию интегрированного спектакля – спектакля Всемирного, объединяющего в себе все омерзительные черты Спектакля концентрированного (СССР) и распространенного (США) в единую сверх–систему оболванивания. Разумеется, интегрированный Спектакль был, согласно Дебору, непосредственным продуктом и детищем французской «революции» мая 1968–го.

Что и понятно.

Учение ситуационистов об иллюзорности (сконструированности) общественного сознания по сути не отличалось от средневекового гностицизма. Согласно гностикам, мир, данный нам в ощущениях – есть мир ложный и созданный злыми силами; а постижение истинного мира есть прерогатива божественного знания. Чтобы познать истинный мир, адепт должен стать «знающим», Христом; обожиться.

Если заменить «злые силы» на «буржуазию», а «Христа» на «революцию», то примерно и получится ситуационизм.

Влияние гностиков можно довольно убедительно проследить (как это делает Грэйл Маркус в книге «Lipstick Traces») через дада, которому унаследовал ситуационизм; основатель дада Хьюго Балль был христианский мистик, и даже слово «дада» было, согласно легенде, сокращением от имени Дионисия Ареопагита.

И все же, дебордианский синтез Маркса, гностиков, социального критицизма и авангардных художественных практик оказался удивительно органичен и актуален до сих пор. По сути, ситуационизм, наряду с разными версиями Консервативной Революции (национал–большевизм, левое скинхедство) и расиализма (неонацизм, правое скинхедство, Identity Christianity) остался единственным политическим учением, не взятым на вооружение доминантным дискурсом.

Начиная с середины 1990–х, ситуационистская теория была почти целиком монополизирована философией «новой правой» – синтетическим учением, объединившим Консервативную Революцию, мистический расиализм, марксизм и идеалы

рабочего движения на базе ситуационизма. Во Франции, Дебор уже давно ассоциируется с крайне правой; разумеется, мистические (гностические) корни ситуационизма этой аппроприации помогли – весьма и весьма.

Психоделия и пост–структурализм 1968–1975

Человечество не будет знать счастья, пока последнего бюрократа не удавят кишкой последнего капиталиста.

«Situationist International»

В первой половине 1970–х ни ситуационизм, ни антикопирайт никакого влияния не имели. Учение об иллюзорности сущего (видимо, независимо от ситуационистов и дада) легло в основу психоделической философии (Р. Лэйнг, Р. А. Уилсон, Т. Лири, Ф. К. Дик). Утверждается, что реальность, данная нам в ощущениях, является продуктом социального консенсуса. Интерпретация ощущений, логика и абстрактное мышление – процесс, сходный с (и по сути не отличающийся от) разбирания знакомых фигур на абстрактных пятнах в тесте Роршаха или в облаках, плывущих по небу. Одинаковая интерпретация ощущений – результат промывания мозгов (социального кондиционирования). Сумасшедшие – не больные, а люди, чья интерпретация роршаховских пятен отличается от заданной социумом.

В романе Филиппа Дика «Кланы альфанской луны» описывается общество, созданное на одном из спутников Альфы Центавра колонией бывших заключенных психбольницы; в этом обществе шизофреники оказываются способны совершать чудеса, за параноиками следят невидимые враги и так далее; но в присутствии большого количества здоровых людей все чудесные способности психов улетучиваются. Именно таким образом видели реальность адепты психоделического учения: «reality is a social construct» – реальность это социальный артефакт, говорили психоделики. Уилсон преобразовал эту фразу в – «reality is what you can get away with».

Психоделическая теория примечательна тем, что «примитивные» формы сознания (магическое, мистическое, шаманское) получают в ней статус, равноправный с сознанием современного человека, оперирующего технологией и аристотелевой логикой. Вполне может быть и так, что пятна Роршаха «реальности» допускают интерпретацию, в которой объективно действуют заклинания, чудеса и божественное вмешательства, а технология является суеверием и

предрассудком.

Другой аспект психоделии – доходящее до паранойи недоверие к любой официальной информации. Церковь Дискордии (одна из религий, основанная на психоделической философии; ее адептом и пропагандистом был Р. А. Уилсон) учит, что в любом сообщении масс–медиа имеется секретное слово «fnord»; все население Земли тренируют с детства при виде слова «fnord» (а) верить всему, что написано и (б) не замечать этого слова.

Подобный эпизод имеется в фильме, кажется, Карпентера, протагонист которого нашел где–то секретные очки, после чего обнаружил, что во всех газетах и на всех транспарантах написано большими буквами ровно одно слово – «OBEY»: «Подчиняйся». После этого протагонист хватает ружье, идет на почту и убивает там страшную кучу какого–то левого народу; по сути, ведет себя как классический сумасшедший массовый убийца–маниак. С единственной только разницей, что он СОВЕРШЕННО ПРАВ и его паранойя ПОЛНОСТЬЮ ОПРАВДАНА. По сути, в этом – вся психоделика.

В этой оптике, учение дискордианцев о фнорде тождественно учению ситуационистов об Обществе Спектакля; но выводы были ими сделаны совершенно разные. Ситуационисты предлагали упразднить экономику обмена, как основу и содержание спектакулярных общественных отношений и построить комунну; а психоделическая общественность в основном следовала либертарианству, то есть предлагала упразднить государство и создать на обломках общество laissez–faire, состоящее из атомарных индивидов, управляемых экономикой личного интереса и только ей.

И естественно, укрепление авторского (и вообще имущественного) права было агендой каждого либертарианца.

То есть, никакого антикопирайта.

У ситуационизма нет монополии на идею социальной и культурной обусловленности представлений, казавшихся абсолютными. Одновременно с ситуационистами, эту тему развивали пост–структуралисты, в первую очередь М. Фуко. В 1970–е, Ж. Бодрийяр перевел Дебора на язык (к тому времени вполне мэйнстримной) пост–структуральной философии, обозвав спектакулярный феномен нехорошим словом симулякр.

Разумеется, аккуратных отссылок к Дебору Бодрийяр не давал, прикрываясь свежевысосанной из пальца терминологией и квази–академическим синтаксисом. На Фуко тоже не давал; когда Бодрийяр в середние 1970–х издал брошюру «Забыть Фуко», Фуко отрецензировал ее одной фразой: «Гораздо труднее будет

вспомнить, кто такой Бодрийяр». Говорить о развитии ситуационизма в текстах Бодрийяра и воспоследовавших ему «постмодернистов» не приходится; имеет место обрывочное повторение чужих мыслей, никак не сопутствующее этих мыслей пониманию.

Но несмотря на интеллектуальную беспомощность, топорно прикрытую академической невнятностью и перегруженностью высосанной из пальца терминологией, постмодерн (и вообще умеренная разновидность пост–структурализма) стал гораздо влиятельнее предшествовавшего ему более радикального крыла пост–структурализма (Батай, Фуко), и – тем более – ситуационизма и психоделии. К счастью, влиятельность эта ограничивается в основном Америкой (и Россией последних десяти лет; почему, Бог весть).

Основную идею данного раздела философии – взаимообусловленность политических, социальных и речевых механизмов – можно обнаружить уже у французских структуралистов начала века; но применения в политике этот круг идей не имел, кажется, вплоть до написания Орвеллом «1984» и «Второго Пола» – Симоной де Бовуар.

Написанные почти одновременно, эти книги содержат замечательный политический рецепт следующего содержания. *Победа того или иного политического движения становится полной, только если в языке исчезают конструкции, потребные для высказываний, противоречащих идеям этого движения.* Симона де Бовуар достаточно подробно доказывала, что подчиненная роль женщины в обществе определяется автоматизмом подставления мужского местоимения в речевом дискурсе. Грубо говоря, слово «математик» мужского рода, поэтому в книжках по математике всегда пишут «читатель», «он». Поэтому академическая среда женщине (на подсознательном, речевом, дискурсивном уровне) враждебна и женщина в математике оказывается на последних ролях. Объяснение, надо сказать, довольно убедительное: как показывает опыт математических школ и школьных олимпиад, на 3–4 способных мужских школьника приходится один женский; доучиться до математика или физика удается половине мужских студентов и практически никому – из женских.

В англоязычной литературе, доминанта языка над реальностью, данной нам в ощущениях, называется «гипотеза Сапира–Уорфа» (The Sapir–Whorf Hypothesis). В силу отсутствия в английской терминологии тонких галльских дистинкций между «речью» и «языком», этот тезис был гораздо грубее, чем аналогичный в структурализме; скажем, отсутствие у индейцев топи временных форм глагола истолковывалось

Уорфом как отсутствие течения времени в реальности, как ее видят топи.

В «1984» Орвелла, язык изменяется в соответствии с последними указаниями власти; таким образом, что мысли, противоречащие власти, становится невозможно высказать. Возникшая в американской академической среде парадигма политической корректности (PC) по сути сводится к силовой реализации программы Орвелла и Симоны де Бовуар в отношении женщин, негров, идиотов и прочих меньшинств. К примеру, в университетах и в университетских учебниках строго–настрого запрещается пользоваться местоимением «он»: обязательно говорить «he or she». Интересно, что учебники, где читателя называют «она», в обиход не вошли; а моего друга, читавшего математические лекции продвинутым третьекурсникам в M.I.T, строго отчитывало начальство факультета за то, что он перепутал и (без всякого злого умысла) несколько раз произнес «she or he» вместо «he or she» (студенты, разумеется, донесли в деканат). То есть PC добилась не только изменения языка, но и строжайшей его кодификации.

Интересно, что вне образованного класса все эти языковые игрища никакого приложения не нашли; в «1984» Орвелла, новоязу были подвержены только члены партии, а пролам разрешалась говорить и думать что угодно.

Философским базисом политической корректности – PC – было учение о мульти–культурализме, весьма близкое и пост–структуралистскому и психоделическому дискурсу. Теоретики психоделической культуры утверждали, что реальность есть социально обусловленный вид интерпретации хаотического (и никак по сути не интерпретируемого) бытия; восточные философии и парадигмы бытия (да и мракобесные западные, вроде христианского фундаментализма, скинхедства и сатанизма) в этом контексте ничем не хуже Свободы, Равенства, Братства и Просвещения. В романе «Люди в джунглях» замечательного мыслителя психоделической эпохи Нормана Спинрада описывается общество тотального рабства, генетического садизма и каннибализма, где единственной пищей правящих классов служат специально выращенные человеческие младенцы, а основой мракобесного религиозного культа – ритуальные тексты, стилизованные под философские рассуждения маркиза де Сада. Протагонист, попавший на эту планету из мира традиционных либеральных ценностей, пытается реформировать это общество, в результате чего страдают исключительно угнетенные классы, которые тут же сжирают всех мясных младенцев и принимаются кушать друг друга. Герой

спасается бегством в состоянии нервного срыва и психического истощения; его товарищ по путешествию становится генералом среди каннибалов. Для психоделического сознания, тотальность (да и любая культурно обусловленная тотальность) де Сада оказывается равносильной либеральной парадигме.

4 февраля 1974, Армия Освобождения Симбионтов (Symbionese Liberation Army) захватила в заложники наследницу газетных мультимиллионеров Патрисию Херст, внучку Вильяма Херста, прототипа главного героя фильма «Citizen Kane» (между прочим, ответственного, совместно с Эдгаром Гувером, за запрещение конопли). SLA потребовала выкупа за наследницу мультимиллионеров: на $70 еды для каждого бедняка Калифорнии (в тот момент, это обошлось бы родственникам наследницы в 400 миллионов баксов). Родственники предложили 6 миллионов, зато наличными. Первого апреля, когда переговоры зашли в тупик, SLA обнародовала видеокассету; на ней Патрисия, потрясая автоматом Калашникова модернизированным, объявляла, что SLA открыла ей глаза на социальную несправедливость, отныне она присоединяется к Армии Освобождения Симбионтов и теперь ее зовут Таня; а родители ее – фашисты и свиньи.

Через полтора месяца Таня была арестована при попытке ограбления банка; она героически стреляла в воздух, чтобы предупредить партийных товарищей и те смогли убежать.

На следующий день, ФБР поймала Армию Освобождения и сожгла всех в доме, как через много лет сожгли Дэвида Кореша, женщин, детей и прочих сектантов. Картер вмешался, и в 1979 Патрисию выпустили на поруки. Президент Клинтон помиловал Патрисию Херст Шоу 20 января 2001 года.

Вышеописанное стало классической иллюстрацией

психоделического дискурса: Патрисия, проведя год с симбионтами, сменила жизненную философию, прониклась их идеями и стала Таней–революционеркой. Лири и Уилсон теоретизировали, что ЛСД и промывание мозгов имеют похожий эффект.

Интересно, что история похищения Патти Херст была подробнейшим образом описана в порнографическом романе «Black Abductor» (Черный Похититель), изданном за два года до самого похищения. Многолетние попытки журналистов и полиции найти автора романа не увенчались успехом.

Случай, иначе говоря, уж какой архетипический. Куда уж архетипичнее порнографии.

После освобождения, Патрисия Херст играла в нескольких фильмах Джона Уотерса; из которых последний, Cecil B. DeMented, описывает историю, весьма похожую на ее собственную – группа террористов от искусства захватывает пожилую кинозвезду и заставляет ее играть в фильме нечто в духе самого Уотерса незабвенных «Pink Flamingoes», с разоблачением Голливуда и преступной медиакратии; разумеется, под конец фильма киноактриса видит свет и становится заодно с террористами.

Другим адептом психоделического сознания был Чарльз Мэнсон, известный узник совести и защитник окружающей среды. Мэнсона обвиняли в разных прегрешениях; из которых самое распространенное было – участницы «семейства Мэнсона» убили несколько богачей и написали их кровью на стене «Helter skelter» и «death to the pigs», чтобы начать мистическую расовую войну в Калифорнии.

Интересно, что Патти Херст, после своего преображения, тоже

называла своих родителей миллионеров «свиньями» (pigs). К началу 1970–х, психоделический андерграунд слился с сюрреальным политическим протестом в духе Армии Освобождения Симбионтов; скажем, основателя психоделической философии профессора Лири выкрали из американской тюрьмы и переправили в Швейцарию террористы из «Черных Пантер» и группы Weather Underground. Что и понятно: если видение наследницы миллионеров Патти Херст ничем принципиально не отличается от видения симбионтов–освободителей, то все однако позволено, да? Nothing is true, everything is permissible, как говорил другой адепт психоделических субстанций.

Психоделическая революция началась с Тимоти Лири, а закончилась Мэнсоном и армией освобождения симбионтов; за эту грань были готовы ступить совсем немногие – остальные, как Тимоти Лири, принялись строчить доносы ФБР на своих бывших соратников и сочинять «психоделические» компутерные программы.

О постмодернизме и политической корректности

В чем сущность константы Эйнштейна, или повсеместная ныне деррида

Политическая корректность, она же постмодерн, подвела совершенно новое философское основание под тотальный культурный релятивизм, бывший к концу 1960–х годов общим местом, и вполне очевидный любому человеческому существу, напичканному психоделиками и травой.

Понятная марксисту идея классовой обусловленности культурных феноменов восходит к работам франкфуртской школы Т. Адорно и В. Беньямина 1920–х, которые (через Г. Маркузе и Ханну Арендт) привили эту концепцию американской Новой Левой. Поэтому юдофобское крыло американской конспирологической мысли винит во всем жидов и коммунистов (а заодно уж и нацистов, которые были, как известно, первыми хиппи, поклонялись природе, ходили в голом виде, пропагандировали евгенику и сексуальную революцию, и считали, что если кто старше 30, то с ним не о чем разговаривать; не говоря уже о Хайдеггере, Лени Рейфеншталь и сатанисте Алистере Кроули).

Процитированные выше тезисы, хотя и поучительны, но не вполне, мне думается, корректны; с таким же успехом можно было бы обвинять в изобретении полит–корректности (а заодно в сатанизме и свальном грехе) В. И. Ленина, автора тезисов «Партийная Организация и Партийная Литература». И хотя приоритет в изобретении мульти–культурализма принадлежит, видимо, франкфуртской школе, но идея введения языковой цензуры, на нем основанной – идея сугубо французская (не считая, конечно, Орвелла). У французов совершенно особые отношения с языком; это отмечали и Достоевский и даже Ильф и Петров – во Франции ораторская риторика традиционно возбуждает в слушателях эмоции, которые имеют мало или никакого отношения к тезисам докладчика. Во Франции это называется красноречие; в большинстве культур никакого аналога этому понятию нет. Француз мыслит языком, на уровне императивного следования определенным речевым стимулам. Неудивительно, что идея речевой обусловленности властного дискурса, как и идея языковой цензуры этого дискурса – идея

чисто французская.

Когда депутаты революционного Конвента постановили обезглавить Робеспьера, наибольшей трудностью для них было не дать Робеспьеру возможности произнести речь. Депутаты боялись, что он сможет силою своего красноречия убедить их гильотинировать друг друга, а не его самого. Такая французская натура.

И хотя полит–корректность (понимаемая, в первую очередь, как языковая цензура доминантного дискурса) восходит, видимо, к Симоне де Бовуар, в наиболее чистом виде эта идея выкристаллизовалась у Жака Дерриды. Деррида был учеником Фуко, который, впрочем, довольно скоро порвал с ним отношения, поскольку Деррида оказался конформистом; на краткое время эти отношения возобновились, когда Деррида (в 1981–м) поехал в Чехословакию и имел там проблемы с полицией из–за контактов с местной диссидой. Достаточно характерно, что единственный радикальный поступок в своей жизни Деррида совершил, противостоя Варшавскому Договору.

Во Франции Деррида относительно неизвестен; он не член Французской Академии и даже не профессор; но влияние Дерриды на американский академический эстаблишмент невозможно переоценить. С 1972 года написано 14,000 статей, излагающих его однако мысли, и еще 500 докторских диссертаций защищено, в которых Деррида и его труды являются главным предметом. Деррида в американском академическом сообществе играет ту же роль, что Маркс в советском, без его упоминания в академии гуманитарию нельзя и чихнуть.

И при этом, тексты его темны и значение их неясно. Чего стоит например следующий удивительный пассаж:

> Когда мы рассматриваем, к примеру, структуру определенных алгебраических конструкций [ensembles], где берется центр? Является ли центром знание общих правил, которые, определенным образом, позволяют нам понимать взаимноотношение элементов? Или центр – это определенные элементы, которые пользуются теми или иными привилегиями внутри конструкции? У Эйнштейна, например, мы наблюдаем конец привилегии, которой пользовалось эмпирическое наблюдение. И в этой связи мы видим появление константы, константы, которая есть комбинация пространства–времени, которая не получена ни одним экспериментатором, но которая, в определенном роде, доминирует всю конструкцию; и это понятие константы – является ли оно центром?

> Константа Эйнштейна – не константа, не центр. Это константа есть сама концепция переменности – это, в конце концов, и есть концепция игры. Другими словами, это не концепция чего–то определенного – центра, начиная с которого наблюдатель может овладеть полем – но сама концепция игры.

Другими словами, значение Дерриды не в трудах его; а в чем же? Значение его (то же, кстати, что и у Маркса в советской философии) – в легитимизации определенного дискурса; некоторые вещи становятся автоматически верными, если снабжены подобающей ссылкой на Дерриду.

За косноязычием и идиотским наукообразием его текстов скрывается достаточно краткий список довольно очевидных понятий.

• Вне текста ничего нет.

• Фиксация точки зрения («центра») определяет прочтение текста и задает его результат. Эта фиксация абсолютно произвольна.

• Центром западной культуры является мужской шовинизм, рационализм и речевые интеллектуальные процессы (Деррида назвал все это вместе божественно красивым словом «фаллогоцентризм»).

Американскими адептами политкорректности была выведена из Дерриды совершенно новая форма мультикультурализма (и феминизма), являвшаяся по сути демагогией. Овладевать полем, исходя из фаллогоцентрической позиции, никому, конечно, не хотелось, потому что фаллогоцентризм это бяка. Но деконструкционизм, опровергнув учение о «центре», по сути «центр» этот самый только табуировал. Западный человек исходит из той же либеральной (секулярно–христианской) чувствительности, что двигала им во времена до фаллогоцентризма; но теперь он не может ее даже назвать, поскольку теперь рефлексия о корнях его сентиментов запрещена ему этими же самыми сентиментами. Номинально женщины оказались приравнены мужчинам, идиоты нормальным, а негры к белым людям; но это приравнивание свелось к тривиальному «они будут такие же как мы, если мы перестанем называть их неграми, женщинами и идиотами», то есть по сути к новой (и куда более агрессивной) версии культурного империализма.

Скажем, мужское обрезание (практикуемое всеми без исключения американцами) приветствуется или по крайней мере

не запрещается; а вот женское обрезание (распространенное у мусульман Северной Африки) на территории «цивилизованных стран» карается тяжелейшими тюремными сроками. Различными центрами по насаждению полит–корректности лоббируется запрет женского обрезания на уровне ЮНЕСКО, ООН и международных соглашений. Сие есть достаточно типичный образчик культурного империализма; как это всегда теперь случается, культурный империализм одет в наилиберальнейшие розово–голубые феминистические одежды.

В истории с установлением полит–корректности на территории Республики Югославия путем бомбежек Югославии кассетными бомбами и отработанным ураном первую скрипку играли французские интеллектуалы и американские борцы против фаллогоцентризма; а по сути эта война была не чем иным, как насаждением либеральных (т.е. западноевропейских) ценностей на территории, где эти ценности были менее популярны, чем полный мифологических смыслов сербский национализм.

Мультикультурализм под соусом полит–корректности размывает идентичность народа, в котором этот мультикультурализм угнездился. Одновременно с этим, полит–корректность дает ее носителю моральный карт–бланш на любые силовые меры, направленные на насаждение полит–корректности. В этом отношении, полит–корректность ничем не отличается от христианства времен Крестовых Походов (а по сути, совпадает с христианством; как в тезисе «несть ни эллина, ни иудея», так и в насаждаемых огнем и мечом «гуманистических ценностях»). Психоделический андерграунд (так никогда и не прочитавший Дерриду) до сих пор уверен, что полит–корректность это хитрый заговор американских пуритан и феминисток, направленный на запрещение рокындролла, наркотиков и свободного секса. В каком–то смысле так оно и есть: американский феминизм (по крайней мере его лево–либеральное полит–корректное крыло, которое следует Андреа Дворкин) видит в сексе не более и не менее как главное орудие мужского угнетения; не менее отрицательно относится эта среда к наркотикам и к культуре развлечений тоже. Освобожденная деконструкционизмом от рефлексии, тотальность американского либерализма слилась с тотальностью американского пуританского христианства в тотально неуязвимое чудовище Спектакля.

Ж. Бордийяр описал эту ситуацию в книге «Америка» (1986), которую он считал (наряду с Cool Memories) лучшим из всего, когда–либо им написанного. Бодрийяр объявил Америку единственным аутентичным обществом, идеалом, воплощенной

утопией, миром, где телевидение стало первичной реальностью, неспособной к рефлексии, индифферентной ко всем остальным (вторичным) явлениям бытия. Америка виделась Бодрийяру бесконечной оргией свободы, амнезии, улыбок счастливых продавцов и официанток. Для постмодерниста, понятия Свобода и Спектакль – синонимичны.

В постмодернистской теории, Спектакль (гипер–реальность) абсолютен и заменил собой аутентичное бытие; манипуляция Спектаклем через посредство языковой цензуры – единственный способ социальной борьбы, доступный субъекту гипер–реальности.

Возможные заявления об аполитичности этого подхода – достаточно прозрачное лицемерие; учение о симулякре политически задано и обусловленно политически. В предисловии к «Путешествиям в гипер–реальности», Умберто Эко характеризует свою деятельность как сугубо политическую; его долг, он говорит, объяснять людям, как им следует воспринимать те или иные знаки коммуникации политических властей и индустрии развлечений. Эко прославился редкой даже для европейского «прогрессивного интеллектуала» масштабов страстью к политическому доносительству; так что понятно, о *каких именно* знаках здесь идет речь. Сей достойный муж объявляет «ур–фашистом» каждого, кто не приемлет Гаагский Трибунал, права человека и Международный Валютный Фонд.

В этом и состоит «постмодернизм».

Ситуационист ищет спасения от Спектакля в социальной революции бахтинско–карнавального типа. Либертарий психоделической закваски – представляет общество в виде совокупности опасных маньяков, которым ебет мозги не менеее буйнопомешанная власть, и стремится к максимальному расчленению общественных связей – «мой дом моя крепость и моя полицейская станция». Постмодернист – это тот, кто утратил волю к сопротивлению и готов *служить*. Фнорд.

В агенду постмодернизма антикопирайт никаким боком не входил. И мне думается, дело тут не в интеллектуальной расслабленности протагонистов его; дело в принципиальном антагонизме ситуационизма и постмодерна.

Французский пост–структурализм был склонен абсолютизировать ситуацию отчуждения образов и социальной обусловленности дискурса; Бодрийяр видел в Спектакле/симулякре своего рода Абсолют и строил (пост–)критическую теорию на этом абсолюте; Дебор ненавидел Спектакль со страстью. Постмодернист отрицает императив; мышление ситуациониста целиком императивно. Постмодернистский

дискурс не ставит никакой цели; абсолютизируя Спектакль, постмодернист оказывается самым преданным его служителем.

Ситуационист служителей спектакля стремится как минимум смешать с грязью (а лучше еще – физически уничтожить).

Это объясняет, почему ни один из французских пост–структуралистов не выступил против копирайта. Склизкие пизды, гадские сталинисты, менты бляди и имбецилы.

Панк
1976–1978

Постмодернизм продолжался недолго – к 1977–ому году он стал плюсквамперфектом. Последовавшую за этим декаду, в культуре высокой и низкой доминировал панк – течение, целиком восходящее к ситуационизму. В тактике: панк, как и стуационизм, определял себя через максимальное (в идеале – равноправное) соучастие аудитории; основным приемом панков и ситуационистов был *скандал*. В стратегии: ситуационисты и панки стремились к возвращению аутентичного бытия, путем максимальной спонтанности действия и отказа от любого сотрудничества с системой. Панки называли эту тенденцию DIY – «do–it–yourself movement»; речь шла о создании автономной сети артистов, музыкантов, журналов и магазинов, не связанной с корпорациями и «шоу–бизнесом».

Исторически, панк был основан последователями ситуационистов и органично вобрал в себя образы и лозунги ситуационистского движения; в том числе и точку зрения ситуационистов на копирайт. Панк ассимилировал в себя и ахиллесову пяту Situationist International: святое убеждение каждого ситуациониста в том, что почти все население земного шара – стихийные ситуационосты.

Результатом этого стала *коммодификация* понятия панк: очень скоро, пластинки с графикой и музыкой в такой же стилистике превратились в товар, которым торгуют в супермаркете; наряду с «роком» или «диско» или макаронами. Через 2–3 года после появления панка стали выходить десятками штампованные в мультинациональных корпорациях подделки, никакого отношения к этосу или философии панка не имевшие. В глазах публики со стороны, панк *был* (и остается) этим самым медиа–феноменом, чем–то вроде торговой марки мультинациональных корпораций; однако независимо изданных альбомов вне университетских центров в продаже нет.

В этом плане, достаточно интересна история Sex Pistols, группы, созданной двумя ситуационистами (Jamie Reid, Malcolm MacLaren) из подручного материала в виде четырех подростков – местной урлы с незаконченным средним образованием и музыкальной аппаратуры, которую двое из этих подростков где–то спиздили. Местная урла была немедленно записана в стихийные ситуационисты (ну не может вор быть не ситуационистом, да? тем более, что воровали они гитары у всяких

поп–пидарасов типа Рода Стюарта). Публика была заинтригована и одновременно шокирована скандалезной демонстрацией ситуационистских слоганов и образов, заимствованных из подпольных листовок Франции 1968–го. Макларен последовательно получил многотысячные авансы от мультинациональных лэйблов, которые немедленно расторгали контракт, когда узнавали, что собственно за зверя им подсунули. Sex Pistols (первыми, кстати, в истории Соединенного Королевства) сказали матные слова по телевизору, став немедленно излюбленными персонажами бульварной прессы.

Все было радужно весьма поначалу, но Макларен сделал фатальную ошибку, заключив контракт с хиппи Ричардом Брэнсоном, хозяином независимого хипповского лэйбла Virgin, выпускавшего реликтовых Can, Tangerine Dream, Gong, и к тому моменту находившегося на грани разорения. «Никогда не верь хиппи», ага? Через 3–4 года после этого контракта (и исключительно благодаря ему) Брэнсон стал мультимиллионером; попутно лишив и Макларена и участников группы по суду привилегий и прав на их продукт.

А вышло это так. На деньги от неоднократных авансов за одно и то же Макларен собирался снимать независимый фильм под режиссерством несравненного Русса Майера. Группа была этим недовольна, поскольку оставалась практически не у дел, а вокалист Роттен оставил Секс Пистолз и на деньги Брэнсона подал на Макларена в суд. Все записи и киноленты были у последнего конфискованы, но и Роттен ничего не получил: фильм «The Great Rock–n–Roll Swindle» собирали, на основе отснятых лент, граждане, поставленные Брэнсоном. Так закончилась история группы «Sex Pistols» (посмертные вышибания бабок из дохлого зверя не считая).

Интересно, что непробиваемо–легального копирайта на записи Sex Pistols так–таки ни у кого нет; на протяжении 1980–х, квази–легитимные бутлеги Секс Пистолз не выпускал совсем уж ленивый – вышло штук двести малотиражных альбомов под разными наименованиями, несших на себе в основном одни и те же записи, с разными обложками и названиями. Практика вольного обращения с формальной стороной отношений независимый лэйбл – независимая группа укрепилась в английской независимой сцене достаточно прочно. Вплоть до конца 1980–х, английские независимые группы не заключали контракта с их лэйблами. Выпуск альбомов без легально оформленных контрактов (навозможный, скажем, в России) был обычной практикой; так, миллионеры New Order так и не оформили контракта со своим лэйблом (Factory) вплоть до этого

лэйбла банкротства в 1992 году. В этом, безусловно, можно видеть остаточные черты ситуационизма в поп–культуре – подобно тому, как структура костей плавника кита или дельфина напоминает об их наземном происхождении.

...Независимость, выраженная в отказе от формальной фиксации легальных отношений... Если провести через 20–е столетие прямую, заданную «Даром» Мосса, через труды Батайя по экономике траты, выпуски журнала «Потлач» (Lettrist International), конгрессы ситуационистов и первые записи Sex Pistols – то закончится она с концом независимой английской музыки в начале 1990–х. И на этом месте история ситуационизма прекратится совсем; чтобы возродиться, в совершенно ином обличье, в составе идеологии Новой Правой, в середине 1990–х.

Книга вторая: КИБЕРПАНК, СЭМПЛИНГ, СВОБОДНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ

Здесь рассказывается о том, как профессор M.I.T. увидел Свет и ушел с хорошо оплачиваемой работы, чтобы проповедовать простым людям Добро, Красоту и Порядок

Ричард. М. Столлман

Раньше задачей науки было – понимание мира, улучшение жизненных условий. Сейчас от науки требуется немедленное и безусловное оправдание всего, что случается... Общество Спектакля срубило раскидистое дерево научного знания, с целью сделать из него полицейскую дубинку.

Ги–Эрнст Дебор, Комментарии к «Обществу Спектакля».

...Когда я увидел перед собой перспективу жизни, прожитой так же, как живет весь мир, я решил – ни за что, это отвратительно, мне будет стыдно самого себя. Если бы я участвовал в поддержке этой системы отчужденного, собственнического программирования, мне казалось бы, что я делаю мир хуже ради денег.

Ричард М. Столлман (из интервью)

Законодательство о копирайте имеет два источника – французский идеализм Гюго и Бомарше и английский прагматизм неизвестных парламентариев. Французы пытались урегулировать отношения автора и текста, с целью защитить права автора; англичане защищали права конечного пользователя от монополии правообладателей.

Во Франции, теоретическим основанием антикопирайта были симбиотические отношения между институтом авторства и тиранией; содержанием его – попытка этот симбиоз прекратить. Прагматический подход к антикопирайту выносит отношения авторства и власти за скобки. За англо–американскую версию антикопирайта, целиком и полностью независимую от французской, несет ответственность профессор Ричард М. Столлман.

До конца 1970–х, программирование было делом ученых. Программа приравнивалась к научному открытию, а научная этика воспрещает ученому скрывать от общества результаты своих исследований. С середины 1970–х, программа стала коммерческим продуктом, и текст ее превратился в коммерческую тайну. Помимо массы технических неудобств (ну как вы прикажете учить программированию студентов, если текст программ, которыми они пользуются, недоступен), это нововведение вызвало отторжение одновременно этическое и философское.

Ричард М. Столлман положил начало движению свободного программирования, уволившись в 1984 году из М.I.Т. (де–факто – Столлман перестал получать в М.I.Т. профессорскую зарплату; офис его помещается именно там). Столлман основаа

некоммеческую организацию по имени Free Software Foundation; в каком–то смысле, основание FSF было самым важным, центральным событием прошлого века. По политическому значению, столлмановский манифест можно, наверное, сравнить с Коммунистическим Манифестом Маркса и Энгельса, но лишь едва и с большой натяжкой.

Свободное программирование требует следующих, жизненно необходимых каждому творческому человеку свобод:

• Свободу запускать программу с любой потребной целью

• Свободу изучать, как программа работает, и изменять ее в соответствии с потребностями; доступность исходного текста является необходимым условием этого

• Свободу распространять копии программы с целью помощи ближнему своему

• Свободу улучшать программу и публиковать свои улучшения, для пользы всего сообщества.

Значение этих пунктов не ограничивается программированием; если мы, в сооответствии с Сведенборгом, средневековыми каббалистами, Хомским и «пост–структурализмом», будем понимать мир как текст, понятие «программы» (текста) может быть распространено на любую вещь вообще.

Идеологи свободного программирования утверждают, что западное общество поражено патологической жадностью. Одно из проявлений ее – драконовское законодательство о копирайте и авторском праве. Действительно не очень справедливо, когда Майкрософт, не предоставляющий никаких гарантий на правильную (или какую–нибудь) работу своего продукта, требует по 50–100 долларов за продукт, себестоимость которого не превышает и доллара. Особенно несправедливо это, если альтернатива всему – бесплатная система (Линукс, или Гну–Линукс, как его предпочитает называть Столлман), предоставленная вместе с исходным текстом, в котором ошибок почти нет (ибо все найденные – исправлены).

Согласно этой философии, непомерные заработки деятелей софтверного бизнеса не только не поощряют творчество, они превращают творцов в чиновников, озабоченных лишь попытками захватить монополию на тот или иной стандарт. Творческому импульсу материальное поощрение не необходимо: «дух дышит где хочет».

Общество, где пользователь программы не имеет право показать ее своим друзьям – общество фундаментально

несправедливое, общество тотальной разобщенности и повсеместного доносительства. Ни о какой свободе, ни о каком духе взаимопомощи в таком обществе не может быть и речи. Столлман, сторонник радикальных защитников конституционных свобод из American Civil Liberties Union (ACLU), активист легализации наркотиков и правозащитник со стажем, увязывает борьбу за свободный–бесплатный софт непосредственно с центральным конфликтом американской политической жизни – попыткой честной публики отстоять гражданские свободы, записанные в конституции, но с каждым годом исчезающие кусок за куском. Столлман здесь – фигура магистральная и его устами говорит двухсотлетняя традиция американской правозащитной мысли, от Джефферсона, Торо и Марка Твена к Ноаму Хомскому (между прочим, коллеге Столлмана по M.I.T.)

Но бесплатность программного обеспечения не может не внушать опасений адептам капиталистического предпринимательства. Если каждый сможет бесплатно скопировать машину, дом или телевизор вместо того, чтобы покупать их в магазине – кто же будет работать? Капитализм основан на экономическом принуждении, а если все (хотя бы почти все) продукты будут бесплатные – экономического принуждения не будет. Добровольная аскеза свободного программирования в итоге приведет к обществу тотального (всеобщего и бесплатного) изобилия, совместимого, вероятно, с американской конституцией, но никак уже не совместимого с капиталистическим порядком. Именно поэтому Майкрософт постоянно заявляет о необходимости борьбы с бесплатными программами, как подрывающими основы американского общества. Мультинациональный капитализм пришел в противоречие с конституционными свободами американцев; и нетрудно догадаться, кто в результате победит.

Ноама Хомского, между прочим, называют «political equivalent of Richard Stallman», а Хомский знаменит не только безудержной поддержкой ACLU, американского традиционализма и конституционных свобод – этот великий человек также и анархист самого что ни на есть разухабистого традиционно–американского синдикалистского толка а ля Сакко и Ванцетти; с переходами в достаточно адекватный текущей ситуации грамшизм. В американском политическом контексте, эта позиция является абсолютной, анахронической, непростительно замшелой непристойностью. Если копнуть, то такой же непристойностью является торо–эмерсоновский руссоистский крипто–коммунизм Столлмана.

Столлмана обвиняют в коммунизме не только сторонники

запрета свободных программ (которым несть числа), но и активисты хакерского движения, которым не нравится этическая сторона его учения. Столлман (как–то почти по–солженицынски) утверждает, что честный человек никогда, ни при каких обстоятельствах не должен пользоваться нечестным программным обеспечением; под оным понимаются все программы, у которых закрыт исходный код. Проповедническая деятельность Столлмана, впрочем, никак не препятствует профессиональной; основной юниксовый редактор текстов (Емакс) написан лично им, плюс к тому, Столлман является менеджером сотен проектов FSF.

О Емаксе можно говорить бесконечно. Это *не просто* редактор текстов; в установочный пакет Емакса входят язык программирования Elisp, искусственный интеллект, способный поддерживать беседу (M–x doctor), программа нарезки текстов, производящая в неограниченных количествах полу–осмысленные вариации на тему заданных текстов (M–x dissociated–press), программа M–x spook для производства угрожающих сообщений с целью раздражения спецслужб, предположительно наблюдающих над пользователем, и даже два мегабайта... разнообразных шуток о программе Емакс. Из этих шуток, добрая половина происходит из конференции Юзенета alt.religion.emacs, посвященной сакральной сущности Емакса, Ричарда M. Столлмана лично и ежедневным молитвам на языке Elisp.

C–u 100 M–x all–praise–emacs
C–u 100 M–x glory–be

FSF это действительно своего рода религия, культ, увязывающий все аспекты человеческой деятельности в борьбу с ненавистным копирайтом. Не столько, впрочем, борьбу (Столлман никогда не выступал за отмену интеллектуальной собственности; он считает, что это понятие лишено смысла), сколько за защиту прав всего остального человечества, чьи права и радости ущемляются этой самой бессмысленной интеллектуальной собственностью. Организовав FSF, Столлман немедленно написал текст типовой лицензии, GNU Public Licence, также известной как GNU Public Virus. Лицензия эта написана до того хитро, что непонятно вообще, не распространяется ли GNU Public Licence на все программы, написанные с помощью каких–либо продуктов, на которые распространяется GNU Public Licence. Ничего злобного она, впрочем, не делает; GPL требует лишь две вещи – чтобы вместе с программой неограниченно распространялся исходный текст, и чтобы во всех модификациях программы сохранялась лицензия и изначальное авторство, с пометками о том, какие изменения произведены. Столлман, хи–

хи, крипто–коммунист, не удержался и назвал свой полезный вирус «копилефтом»; в идеальном мире, где оперирует адепт свободного программирования, несвободных програм НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВООБЩЕ, а пользоваться таковыми – это наиподлейшее западло.

Свободное программирование, для Столлмана – абсолютный моральный императив; его точка зрения не прагматическая, а по сути религиозная.

> Свободное программирование дает программы, которые весьма надежны и эффективны, и я счастлив, что это придает ему привлекательности. Но я скоре бы выбрал едва работающую, неэффективную, ненадежную, но бесплатную программу, чем удобную и надежную, но проприетарную программу, которая не уважает мою свободу.
>
> *(Ричард Столлман, интервью сайту Слэшдот).*

Как всякая приличная религия, учение о свободном программировании несет в себе сильнейшую эсхатологическую компоненту. Если компьютерных монополистов и других лоббистов копирайта не остановят, очень скоро мы окажемся в ситуации, когда позаимствовать книгу у товарища будет уголовным преступлением. Преступление, которое пресечь трудно, приходится наказывать жестоко, и тем более жестоко, чем проще его совершить; это ведет к неизбежной эскалации наказаний за «компьютерное пиратство».

С другой стороны, победа движения свободного программирования будет значить конец экономического принуждения и капитализма, что еще более неприемлемо для статус кво. Поэтому введение наиболее жесткой формы копирайтного законодательства – необходимое условие выживания капитализма как системы. Чем большая часть общественного продукта является продуктом информационным, то есть свободно копируемым на (сравнительно дешевый) материальный носитель, тем строже должны быть копирайтные уложения; вплоть до полного запрета на копирование текста для любых целей. И к этому дело идет; с 13 лет в XVIII веке, срок действия копирайта увеличился до 70 лет после смерти автора в конце XX–го, и увеличивается еще и еще; в сводках Майкрософт, компьютерное пиратство приравнивается к международному терроризму, и новые законы о борьбе с тем и другим пекутся, как горячие пирожки или слойки. Столлман написал об этом восхитительный рассказ–антиутопию «Право читать».

> ...Нельзя было не помочь, но если одолжить свой компьютер, Лиза могла бы читать его книги. Помимо того, что за это можно было сесть в тюрьму на много лет, шокировала сама идея. С первого класса в школах внушали, что поделиться книгой – ужасное преступление, сравнимое с морским пиратством.
>
> Шансов ускользнуть от бдительного ока SPA – Software Protection Authority (службы защиты программного обеспечения) – практически не было. Изучая программирование, Дэн узнал, что каждая книга имела контрольный монитор, который сообщал, кто и когда ее читает, в Центр Лицензирования (Central Licensing). (Центр использовал эту информацию не только для поимки «пиратов», но и продавал книготорговцам сводки личных пристрастий читателей.) Как только компьютер войдет в сеть, Центр немедленно это обнаружит, а Дэн, как владелец компьютера, понесет самое тяжелое наказание.
>
> ...Позднее Дэн узнал, что было время, когда каждый мог пойти в библиотеку и бесплатно получить журнальную статью и даже книгу. В те годы существовали независимые студенты, которые могли читать тысячи страниц, не прибегая к правительственным библиотечным грантам. Но в 1990–х годах как коммерческие, так и бесприбыльные издатели журналов начали взимать плату за доступ. В 2047 библиотеки, которые бесплатно предоставляли учебную литературу всем желающим, были историей.

FSF следует долгой традиции американского конституционалистского либертинажа (тж. ACLU), психоделии и хипповского прямого действия 1960–х. Достаточно характерно, что никакого взаимовлияния нет между свободным программированием с одной стороны и французским пост–структурализмом либо ситуационизмом – с другой. На сети нет даже страниц, где ситуационизм и Столлман упоминались бы вместе – это при том, что колоссальные фигуры Дебора и Столлмана в равной степени отвечают за одну и ту же революционную идею антикопирайта.

Глухоту эту можно легко объяснить; дело в том, что Столлман, как и Хомский и известный ниспровергатель постмодернизма Алан Сокал, принадлежат к плотно вымирающей традиции американской позитивистской естественно–научной лево–радикальной мысли; каковая, будучи вытеснена

народившейся неизвестно откуда прорвой фанатов Дерриды, чувствует себя крайне дискомфортно и ненавидит коллективного дерриду не меньше, чем поһаных империалистов.

Не лишне будет здесь рассказать про историю с Сокалом, которая для этого мироощущения весьма и весьма характерна. Сокал, известный левыми взглядами, предложил для публикации длинную статью в главный дерридаистский орган журнал Social Text, которую напечатали; немедленно выяснилось, что статья сия написана для шутки, являет собой крайне едкую пародию на самые нудные и бредовые места в трудах Дерриды, и сочинена для демонстрации идиотизма подобных рассуждений. Скандал был невероятный; сам Сокал (нефиговый вполне физик) объяснил, что как носитель более древней и более адекватной интеллектуальной традиции, считает коллективного дерриду вульгарным выскочкой и идиотом. Сия позиция повсеместна в американской академии – «физики» считают гуманитариев абсолютно беспомощными в научном плане и интеллектуально нечистоплотными; принятие оными гуманитариями «Грамматологии» в качестве гимна, речевки и государственного герба – презрение к ним только усугубило. Сокал, будучи (что достаточно редко сейчас) левых взглядов, находится в особой позиции, но ненавидит дерриду не меньше ничуть.

Один из виднейших американских математиков престарелый Серж Ленг на протяжении десятков лет с пеной у рта доказывал, что поскольку социология, филология, философия, экономика и прочие сомнительные виды академической деятельности являют собой словоблудие, то никого из перечисленных принимать в академию наук ни в коем случае не надо. Поскольку сам Ленг по образованию философ, то за нефига делать он разобрал научный вклад перспективных «академиков» и на пальцах доказал, что они полные идиоты; а поскольку Ленг (автор совершенно сверхъестественного какого–то количества учебников и монографий) печатает по 800 знаков в минуту, то он напечатал эти рефутации в количестве нескольких тысяч страниц и опубликовал их самиздатом по американским математическим библиотекам – чтиво увлекательнейшее.

Еще Ленг уверен, что СПИДа не существует.

Калифорнийская идеология. Вся правда о киберпанке...

> *There were all these commercials for this–2000 and that–2000. Furnishings 2000. All this really banal stuff with the name 2000 after it. Finally this show came on, which was like Future 2000. It was like an Omni magazine kind of pop–science show. I stumbled into Alison's room and said, «We've got to come up with a name with the name 2000 on it, because everybody's using it to sell shit.»*
>
> *«Mondo», replied Queen Mu*

Сеть была продуктом совершенно особой культуры, которую называли хакерской; речь идет не о тех хакерах, которые ломают кредитные карты, а о тех, которые программируют для удовольствия. Основным протоколом публичного общения был Юзнет, и культура Сети вырабатывалась через посредство Юзнета. К началу 1990–х, на счету Юзнета была богатейшая субкультура и опыт десятка лет самоорганизации сетевого сообщества; аборигены Юзнета отличались от обычного чеовека сильнее, чем отличаются друг от друга жители скажем Австралии и Америки.

Одновременно с этим, огромное количество мудаков на правительственные гранты и просто рассказывали друг другу бредовые сказки о киберкультуре будущего, страшно веселя этим аборигенов.

Побочным продуктом этого бессмысленного явления был «киберпанк», «EFF», журнал «Wired» и загадочное выражение «Information Superhighway». С точки зрения журнала «Wired», и примерно такого же идиотского «Mondo 2000», киберкультура состояла в Вайноне Райдер, девочках в ярких неоновых топиках и мини–юбках, рэйве, модных новоизобретенных наркотиках и Тимоти Лири. Рэйв в то время (1990) в Америке был неизвестен совершенно (не считая дермучих негритянских трущоб, где негры под крэком во главе с Африкой Бамбаатой слушали хип–хоп ремиксы «Крафтверк» и «KLF»). Граждане вокруг «киберкультуры» думали импортировать сей феномен непосредственно из Европы в качестве эксклюзивного, буржуазного и расово–гомогенного птюча.

Впоследствии это даже отчасти получилось; но в то время,

пока «Мондо 2000» существовал, «киберкультура» являла собой – один в одни – насильственно анимированный муляж хипповского «Лета Любви»1967–го, с неоном, нейлоном и капроном взамен продуктов натуральных. Вскорости «Мондо 2000», к большой радости всего сущего, разорился, и эстафета перешла к журналу «Wired», который был до того уродский, что над ним смеялись даже придурки из «Мондо 2000». «Wired»–у удалось успешно сочетать дебильную эстетику неона–нейлона–капрона–Вайноны Райдер с занудством отрывающегося в игровом автомате бухгалтера и со скучнейшим коммерческим адвертайзментом, и он существует до сих пор (музы, рыдать перестаньте).

Если кто–то был совсем дебил, он считал, что в этом и состоит киберкультура.

Два очень глупых и занудных как черви англичанина Ричард Барбрук и Энди Камерон написали редкостной идиотичности труд «КАЛИФОРНИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ» об этой самой «культуре»; опубликовали ее, разумеется, в «Wired».

Труд сей ученый, несмотря на идиотизм, занудство и уродование английского языка бюрократизмами оказался достаточно показательным: чиста конкретна сконструированный придурками «Wired» медиа–феномен «Калифорнийской Идеологии» к концу 1990–х обрел подобие жизни, будучи надут инвестиционным бумом, а потом лопнул, забрызгав протухшей «калифорнийской идеологией» окружающих дебилов и просто трудящийся народ. Поэтому придется изучать сей труд ученый, да.

«Мысли» Барбрука и Камерона состояли в следующем.

• В Калифорнии хиппи боролись с Рэйганом. Журнал «Wired» это тоже как–бы хиппи, но с Рэйганом (коллективным) он дружит.

Примечание к сему, от бывшего редактора «Мондо 2000» (1989–1993) по имени R.U. Sirius, вытесненного из бизнеса интригами этих самых «Wired». В 1994 и особенно к концу его, спикер Конгресса и научно–фантастический писатель Ньют Гингрич крайне мракобесно–правой ориентации (радикальный сегмент коллективного Рэйгана) и его «Progress and Freedom Foundation» выпустила программу «Magna Carta for the Digital Age» для пропаганды радикально–монетаристской идеологии. Гингрич считал, что нужно снизить налоги раз в 5, путем перевода всех правительственных служб в Интернет (кстати, не очень глупая идея); а с богатых налогов не брать вообще. Писали эту программу его заведомые корпоратские мерзавцы и жлобы из «Wired», типа Alvin & Heide Toffler, George Gilder, Esther Dyson, a

также руководства «EFF». В результате спонсоры (очень внимательно следящие за политической конъюнктурой) отвернулись от «Монды 2000» вообще и повернулись передом к «Wired».

Дальше Барбрук–Камерон прямо–таки цитируют эту самую написанную PFF (Тоффлером, Дайсон и компанией) Магну Карту для двоичной эры

• Будущие хозяева Америки – люди свободных профессий: программисты, адвокаты, авторы видео–игр, в общем техно–интеллигенция, «ремесленники высоких технологий». Классовые интересы этой прослойки лежат в либертарианстве, т.е. таком строе, где государство отказывается от всех социальных функций и сокращает (упраздняет) налоги; а жители сами организуют себе социальные функции по обоюдному желанию сторон.

• Правящий класс Америки всегда стремился к либертарианству, но он был связан бизнесом и имуществом и несвободен. «Ремесленники высоких технологий» ничем таким не связаны и вполне могут добиться себе либертарианства.

• «Ремесленники высоких технологий» это по сути хиппи (сомнительный, кстати, тезис; но безусловно верный в отношении «Wired» и прочего барахла). Теперь вот путь высоких технологий привел хиппи, парадоксальным образом, не «вперед», а «назад», в Америку Джефферсона и Бенджамина Франклина, нарисованного на стодолларовой бумажке.

Тут Барбрук–Камерон отмечают с удивлением, что вот и у научных фантастов Азимова и Хайнлайна такое, парадоксальное, случается – что высокие технологии приводят не к «экотопии», а к отцам–основателям. Я подозреваю, что никакой другой научной фантастики они не читали, поскольку к отцам–основателям приводит технический прогресс у всех вообще почти американских писателей научно–фантастических.

А вот самое главное обвинение, ради чего собственно и написана статья Калифорнийская Идеология.

• Самый Главный В Киберкультуре Журнал «Wired»! опубликовал у себя Тоффлера! Который! Гад такой! Хочет! Сократить! Пособие по безработице! Вместе! С Ньютом Гингричем! У которого Рога! Хвост!

И Копыта!

Ой, лови его, лови, да дави его, дави.

• А все это происходит потому, что в Америке правые победили левых и поголовно их уничтожили, теперь там одни все

правые, от этого такое увлечение отцами–основателями. Которые гады! У них были рабы! Им нельзя верить.

• В США надо немедленно отобрать имущество у богатых и раздать нуждающимся, от этого им будет хорошо.

• В Калифорнии есть уборщицы. О какой свободе вообще можно говорить, если уборщицы! Тем более что они все поголовно цветные! Расизм! Держи! Тащи! Держи! Тащи!

• В прогрессивной Европе о снижении роли государства речи не идет, а в отсталой Америке идет.

• В прогрессивной Европе есть много нет–художников, которые совершенно не хотят никакого либертарианства. Это не «ремесленники высоких технологий», это артисты, прогрессивные люди. А музыканты даже используют компьютеры, которые сочиняют техно и джангл.

Я не утрирую, я пересказываю близко к тексту.

А вам, достойный читатель, никогда не хотелось связать всех вообще «нет–художников» одной и той же поганой веревкой и утопить их в одном и том же поганом говне? «Мой бойфренд бля не вернулся с войны бля». Какое говно, какое тупое, коньюнктурное, сраное, бессовестное говно.

«Kids, does your mommy or daddy use frames? Kill them. No, it's OK. If they use frames they deserve it. »

«Калифорнийская Идеология» была напечатана в «Журнале.ру» в омерзительном даже по сравнению с оригиналом переводе (скажем, оригинал начинается словами «Not to lie about the future is impossible and one can lie about it at will», а перевод – словами «Нынче лгать о будущем невозможно, и поэтому можно лгать о нем, как хочется» смысл ПЕРВОЙ ЖЕ САМОЙ ФРАЗЫ поменялся на противоположный, из–за переводчика, который идиотский дебил). Вообще удивительно дебильное место «Журнал.ру», сплошные говноедские идиоты, иначе как они терпели подобное над здравым смыслом издевательство.

Еще мне понравился перевод названия «Электрический Четко–Пластырный Кислотный Тест» (The Electric Kool–Aid Acid Test). Четко–пластырный. Когда Горного похоронят, на могиле его напишут «четко–пластырный». Говном.

Давно пора.

Его вообще, этот перевод, хоть кто–нибудь читал? Его по–моему никто не читал.

Еще Горный очень часто публиковал Сергея Дацюк.

К вопросу о сердце зла

…The heart of evil is the Global Business Network…

Здесь рассказывается о том, как корпорации нашли общий язык с компутерщиками и что из этого вышло

В той версии «кибер–культуры», которая вышла у Барбрука с Камероном, EFF и журнала «Wired», дискурсивная модель не сдвинулась дальше распознавания племенных тотемов и ритуального сотрясения разрисованного плоского копья

– Возвращение к идеалам американской Конституции значит рабовладение и расизм

– My boyfriend came back from the war.

– И хотя французская система Минител давно уже устарела, ее история непосредственно опровергает анти–этатистские предрассудки калифорнийских идеологов

– My boyfriend came back from the war.

– Я тоже учёный я побольше вашего видал вы и лопату–то сроду в руке не держали а туда же учить нас. А нас учить нечего мы сами кого хочете научим. Мы жизнь то не книгам не по пробиркам хуиркам знаем мы вон всю войну прошли а туда же. Учить нас. Учить нас дорогой не надо не вы нас учить права имеете. Мы вас поучим ещё как жить то а не то. Вы думаете я человек тёмный отсталый?

– My boyfriend came back from the war.

Ни к «кибер», ни к «культуре» этот утробный вой пикейного жилета не относится никак; просто обсуждение текущей скукоты и рутины механически привязывалось к рекламным изображениям, изображавшими, понятно, модную молодежь среднего возраста с дорогими компьютерными прибамбасами.

А киберпанк между тем худо–бедно существовал и худо–бедно породил определенную субкультуру, никак, разумеется, не связанную с рекламными пожилыми подростками, Барбруком и Минителем. Идея «крипто–анархии» состояла в том, что сильная криптография может революционно изменить социум как он есть – если все экономические операции будут проходить зашифрованные через Интернет, никакое государство не сможет

вмешаться в сделку и проследить за ее правильным исполнением и/или взять налоги. По мере того, как целые секторы экономики выводятся за рамки государственного контроля, все большую роль играет саморегуляция и деловая репутация участников сделки; эти структуры приведут к созданию параллельных образований вне Сети, и рано или поздно возникнет общество без государственного принуждения, анархия т.е. Общество абсолютной свободы; общество, основанное на доверии, а не на принуждении. Из манифеста крипто–анархии, написанного в конце 1980–х одним из основателей шифропанка Тимоти Мэем:

> ...И как, казалось бы, малозначительное изобретение – такое, как колючая проволока – позволило совершить огораживания колоссальных ферм и ранчо, навсегда изменив представления о земле и правах собственности на диком Западе; подобно этому, казавшееся малозначительным изобретение из никому не известного раздела математики превратилось в стальные кусачки; кусачки, которые разрушат колючую проволоку, ограничивающую интеллектуальную собственность.
>
> Мужайтесь, ведь вам нечего терять – кроме ваших заборов из колючей проволоки.

Общество без собственности и без копирайта; общество, где фокус общественной жизни лежит не в потреблении, а в создании; общество, где вся социальная жизнь подчинена творчеству и игре.

Контр–утопическая сторона этой же модели была не менее увлекательна; авторами киберпанка описывался мир криптографического феодализма, где государственной власти более нет, все силовые инструменты принадлежат корпорациям, а протагонист–хакер вольный художник живет своими мозгами, по–маленькому взламывая у мега–корпораций свой кусочек информационного пространства.

Упростив ее и опошлив, эту философию популяризовали на деньги Ньюта Гингрича скучные, малограмотные и бездарные карьеристы под именем кибер–либертарианства; теперь речь шла лишь о попытке воплотить в жизнь либертарианскую социальную утопию (т.е. отмену государственной регуляции экономики) в рамках компутерной сети. Об антикопирайте уже никто не говорил.

Еще более одиозная версия того же называлась Global Business Network; клуб топ–менеджеров и консультантов хай–тека и нефтяной индустрии, один из десятка аналогичных полу–закрытых клубов, управляющих западным корпоративным

бизнесом (то, что по–английски называется old boys' network). Основное отличие GBN от родственных организаций – те состояли из практиков, интеллектуальный кругозор которых ограничивался гольфом и кроссвордами; а деятели GBN излагали мысли свои на модном среди психоделического сообщества жаргоне когнитивной психологии («mental maps», «reality tunnels» и прочие отвратительно захватанные и затертые побрякушки потерянного племени). GBN был и остается рокфеллеровским клубом с психоделическими устремлениями («Hippie Trilateral Commission», называет GBN конспиролог Марк Стэлман (Mark Stahlman).

Исторически, деятели GBN группировались вокруг журнала «Whole Earth Review» и частной (не подключенной, вплоть до 1990–х, к Интернету) компутерной сети под названием Well. Последняя была не бесконечно уникальной самопальной альтернативой Юзнету, аборигены которой (яппи разных мастей, художественно–гуманитарно–макинтошевской персуазии, от хакерства далекие совсем) считали себя кибер–элитой, так как платили нефиговые бабки и проходили цензуру и жесткий фэйс–контроль, чтобы не ругаться матом нихуя. В Юзнете преобладали студенты–юниксоиды и хакеры, беспощадно эту самую кибер–общественность высмеивавшие за занудство, техническую неграмотность и склонность с апломбом рассказывать друг другу о грядущем «киберпространстве», которое путем перемешения электронов непременно породит в себе вудуистское божественное сознание лоа или какую–нибудь не менее идиотскую хрень (я в принципе пересказал сюжеты романов Уильяма Гибсона, но подобная каша в голове для этой публики достаточно типична). Большинство «киберпанков» из Well–а вообще–то не представляли себе работы компутера даже и в самых общих чертах (Гибсон, скажем, не спрограммировал ни строчки и не слыхал даже как это делается); так что версия о самозарождении компутерного сознания в корзине грязного белья обсуждалась этой публикой совершенно серьезно. В Европе, этот же стиль мышления породил Барбрука–Камерона и «нет–искусство»; разницу сию я отношу за счет большей доступности правительственных грантов.

В году 1993 был основан пропагандистский орган GBN: журнал «Wired». Тех же примерно воззрений лоббистская машина GBN называлась Electronic Frontier Foundation: псевдо–правозащитный центр, возглавляемый топ–мэнеджерами мульти–национальных компьютерных корпораций и «кибер–либертарием» Джоном Перри Барлоу, автором стихов к некоторым песням группы Grateful Dead.

Со страниц «Wired», пропагандисты GBN/EFF рисовали

картину немедленного расцвета цифровой экономики и всеобщего многолетнего благополучия через посредство нерегулируемого рыночного капитализма; другими словами раздували пузырь. В данной версии «киберпанка» немного осталось от Барлоу и совсем ничего – от крипто–анархии; оно почти уже не отличалось от «Открытого Общества» Джорджа Сороса – граждане публиковали исключительно то, что хотели видеть читательские массы, нежелавшие платить налоги и нежелавшие поддерживать социальные программы; однако раздутие пузыря выгодно всем заинтересованным сторонам – до тех пор пока пузырь не лопнет.

Но пузырь лопнул (и забрызгал).

По легенде, последними словами Тимоти Лири были

«The heart of evil is the Global Business Network.»

О да. О да. О да.

Победа и закат киберпанка

Гики и спуки: типология американского настоящего

Известный писатель Брюс Стерлинг, большой авторитет этого киберпанка, со вкусом психоанализирует крипто–культуру, под непереводимым (нет, правда) названием «Гики и спуки» (geeks and spooks).

Американская история последних десятилетий являет собой бесконечную борьбу двух начал: гиков и спуков; «ботаников» и «оперов».

Первые – intelligentsia, в той характернейшей форме, в которой она в Америке существует: яппи – практики хай–тека, ученые и программисты. Ориентированные, экономически, на либертарианство (упразднение социальных и регулирующих функций государства т.е.); политически – на абсолютную отмену цензуры, военного призыва, ограничение силовых структур, армии и всяких вообще государственных повинностей; культурно ориентированных на научную фантастику, психоделику, возрождение 1960–х. (Характернейший пример оных, добавляет ехидный Стерлинг, являет собой начальник Майкрософта Билл Гэйтс и кандидат в президенты Гор от демократической партии).

Если закрыть глаза на дебильность его, то именно о ботаниках составлен текст Барбрука и Камерона; с той лишь разницей, что «гики» это не идеология, это стиль жизни и вид эстетических и культурных предпочтений. Не имевший, кстати, к молодящейся корпоративно–бухгалтерской эстетике журнала «Wired» никакого отношения вообще; дизайн журнала «Wired» больше всего напоминал разноцветные буклеты, выдаваемые дебильным менеджерам хайтека на всевозможных промышленных выставках – что и понятно, бабки–то от них шли, да? И никакого Стар–Трека, ага.

(Безграничное влияние сериала «Стар Трек» на культуру «ботаников» – тема благодатнейшая; здесь я просто замечу, что для данной субкультуры стартрек это как для русских Пушкин, Двенадцать Стульев и Юлиан Семенов в одном лице; это референтная точка par excellence, это не просто референтная точка, это центр и фокус всех ее устремлений).

Противостоявшая ботаникам сила – спуки, оперы; прирожденные конспирологи, склонные видеть в любом падении листа и в каждом хлопке ладонью – тайное противоборство темных и светлых сил (а зачастую еще и – инопланетян,

франкмасонов и секретных атлантов). Спецслужбы американские в основном состоят из подобных персонажей, которые после увольнения зачастую принимаются за писание бредовых параноидально–конспирологических мемуаров; еще сильнее подогревающих всеобщую паранойю.

Основного врага человечества данная субкультура традиционно видит в коммунистах (они же жиды), отчего ее экономическая программа сводится к «посмотри на СССР и сделай наоборот»; т.е. экономическая программа их – то же самое по сути либертарианство и возвращение к Америке Джефферсона и Вашингтона. Но поскольку враг вездесущ и неведом, оперы выступают за всеобщую регуляцию всего, неограниченные права спецслужб и военных и максимальные ассигнования на военные исследования наук; а также неограниченную продажу оружия населению (intelligentsia, несмотря на якобы либертарианство части ее, в основном выступает против ружей). В культуре, эти замечательные люди следуют всевозможным фундаментальным религиозным учениям (сектам, по преимуществу), и объединяет их ровно одно – категорическое отвержение идеалов 1960–х; т.е. социальных программ, сексуальной распущенности, равноправия, негров и разноцветной одежды. Все интересное, что в американской культуре происходит (наивное искусство, расизм, конспирологические теории, тоталитарные секты, ополчения и все вообще самобытно американское) связано именно со спуками.

В занятнейшем фольклорном тексте 1992 года «определитель системного администратора» эта типология иллюстрируется весьма и весьма подробно; из четырех описанных типов, один (техно–туг) являет собой типичнейшего гика; другой (маниак) – до мозга костей спук. Техно–туг ходит на рэйвы и Whole Earth Review (это типа для хиппей и любителей виртуальной реальности), а маниак посещает Ramones и бьет по морде любого, кто при нем скажет «виртуальная реальность»; а в свободное время маниак ставит подслушивающую аппаратуру в оффисе и делает из старых телевизоров подслушки для сотовых телефонов и глушит волну полицейских переговоров.

Если считать, что хипповатые ботаники (Билл Гэйтс и Ричард Столлман) это магистральная дорога американской культуры (как просто – в случае Гэйтса или Гора, так и контр–культуры – Столлмана и Роберта А. Уилсона), то спуки – существа из–под низу самого андерграунда. Граждане, объявляющие основной культурный конфликт (конфликт между культурой и контр–культурой) бессодержательным, в равной степени отвергающие и культуру и контр–культуру. Именно это и называется анти–культура.

Относительно крипрографии: ботаники питали грандиозные планы социальной революции, криптографией вызванной; а оперы провели декаду в достаточно безуспешных (в Америке) попытках частное употребление криптографии запретить. Кстати, ситуация в Европе совершенно иная: в большинстве стран, включая Россию, Украину, и другие пост–советские республики, использование, написание и исследование программ, содержащих криптографические алгоритмы, требует лицензирования; в России, где этот закон достаточно драконовский, его не соблюдает **вообще никто**. Напротив, во Франции исследование криптографии и написание соответствующих программ реально запрещено и реально ни одна легальная организация, кроме спецслужб, этим не занимается.

Французы вообще идиоты.

В Америке, написание крипто «полу–легальное»; то есть приняты законы, существенно ограничивающие криптографию, но когда одного хрена тягали в суд за написание программы PGP, оказалось, что законы эти противоречат конституции и хрена выпустили ни с чем.

То есть свободное крипто (де–факто, если и не де–юре) победило; но обещанная Тимоти Мэем крипто–анархия так и не пришла.

В конце 1970–х, великий пре–психоделический писатель и вообще У.С. Барроуз написал роман «Города красной ночи», где развивал теорию об анархической утопии. Анархическая утопия, развивал У.С. Барроуз, это пиратская республика XVII–XVIII на каком–нибудь неоткрытом острове, где очень много заразных голеньких мальчиков дают другим пиратам и ебут друг друга в задний проход. Барроуз, ссылаясь на американского журналиста 1920–х годов Дона Карлоса Сайтса, утверждал, что пиратские республики были изначальной и беспримесной реализацией идей и идеалов, впоследствии (в разбавленном и тривиализованном виде) положенных в основу независимых США и революционной Франции. Если бы ранние пиратские колонии не были бы уничтожены кровожадными туземцами, писал Барроуз, они непременно распространились бы по всему свету и изменили бы ход истории, приблизив победу свободы на несколько сотен лет. Уже в XIX веке весь физический, рутинный труд был бы целиком механизирован; пиратские республики уничтожили бы общество потребления и товарно–денежной экономики, заменив ее экономикой дара, всеобщей любви и свободным союзом творческих индивидов.

Впоследствии эти идеи развивал ведущий американский анархист ситуационист Хаким Бей (Peter Lamborn Wilson), тоже

большой любитель мальчиков в задний проход; модная в современной анархии теория автономизма во многом основана на уподоблении пиратской гомосексуальной утопии и анархистских коммун. Вдохновленный манифестами кибер–анархистов, эту метафору использовал и авторитетный Брюс Стерлинг в романе «Islands in the Net». Основная работа Хакима Бея, фантастически популярная «Временная автономная зона» постулирует возникновение этих самых автономных зон из кибер–пиратских анархических утопий, созданных по образцу государства средневековых хашишинов (еще одна идея–фикс У. С. Барроуза). Свобода, наличная в автономии, должна привести к победе утопии ситуационистов: не освобождению труда, но освобождению **от** труда. «*Never gonna work, always gonna play…*»

Не тут–то было.

В настоящий момент победу ботаников над остальной Америкой можно считать окончательной и безусловной; недорасчлененный Майкрософт скупает на корню президента и его администрацию, демонстрируя *кто здесь* действительно главный, а непробиваемая никакими усилиями криптография стоит на каждом линуксовом компутере; но никаких Временных Автономных Зон, никаких пиратских республик и островов в сети не обнаруживается – утопия киберпанка потерпела полный и окончательный провал. Победившие ботаники Майкрософта давят последние начатки кибер–анархии в виде всевозможных Напстеров и ставят десятки новых следящих программ в свои операционные системы – реализуя тем самым утопию оперов, полностью контролируемое общество всеобщей тоталитарной слежки. Победивший дракона воин – сам превращается в дракона.

Who killed the JAMS, или Занимательные истории из мира шоу–бизнеса. Англия, 1987

Copyright infringement is your best entertainment value

«Negativland»

Абсолютную пагубность индустрии шоу–бизнеса для творческого благополучия музыканта отметили еще панки. В 1980–е, силой энтузиазма английских деятелей пост–панка, возникла совершенно особая, параллельная официальной система производства и оптовых продаж. Называлось это дело indie или independent; независимая музыка имела свои магазины, своих дистрибьютеров и даже свой отдельный чарт (хит–парад продаж) в магазине Billboard. Существовала эта система в основном за счет мега–лэйбла Rough Trade, который был совершенно убыточен. Персонал Rough Trade жил коммунальной жизнью, из идейных соображений. Работали не для денег – граждане были социалисты в традиционном британском значении этого слова (т.е. марксисты позитивной направленности и без людоедства – вроде Орвелла). В независимой музыке, некоммерческая ориентация не просто декларировалась – она (музыка) реально была некоммерческой и по большому счету убыточной, от чего вся почти и разорилась в начале 1990–х, будучи вытеснена с рынка коммерческим лощеным ура–патриотическим британопом и анонимным, безопасным и аполитичным техно/ИДМ/эсидом, тяготевшим к тому же самому сектору рынка.

И поскольку легальная сторона музыкального бизнеса независимой музыкой практически игнорировалась, о копирайте никто особенно поначалу и не заботился.

За возобновление интереса к антикопирайту несут основную ответственность Джим Каути и Билл Драммонд. Драммонд был продюсером, организатором и/или музыкантом дикой кучи независимых групп из Ливерпуля; среди особенно успешных проектов с его участием – великолепные Echo and the Bunnymen и Teardrop Explodes, которым он был менеджером и продюсером и которые были на его лэйбле Zoo Records. Каути – художник, нанятый в качестве гитариста в загадочную группу «Brilliant», с участием персонажа по имени Youth из «Killing Joke», ныне топ–

продюсера; группу эту продюсировал коллектив Stock Aitken Waterman, ответственный за большинство коммерческих хитов Англии последних десятилетий, в том числе «Spice Girls» и Kylie Minogue. Предполагалось, что «Brilliant» заработает кучу денег; никаких денег не воспоследовало и группа немедленно распалась. Драммонд, к тому моменту разорвавший связи с независимой музыкой, был директором по репертуару в интернациональной корпорации WEA и вел переговоры с «Brilliant»; и так он познакомился с Каути. В то время обоим было уже за 30.

После весьма нелицеприятного расставания с независимыми группами (которые его послали) и последовавшего – с корпоративым лэйблом WEA, Драммонд устал от музыки, и независимой и такой. Было решено, совместно с Каути, создать группу вне рамок независимого и прочего бизнеса – анти–группу по сути. Вдохновение свое Драммонд черпал из трилогии Illuminatus! Роберта Шиа и самого главного психоделического писателя Роберта Антона Уилсона; в конце 1970–х, он участвовал в первой в Англии театральной постановке Illuninatus! и вообще был этого дела большой любитель и энтузиаст. В Illuninatus! постулируется грандиозная конспирологическая теория, объединяющая под руководством франкмасонов все вообще спецслужбы и все бюрократические системы; а также, все рок–группы непосредственно подчинаются франкмасонам. Противостоит им не менее древняя хаотическая традиция – Дискордия – восходящая непосредственно к потерянному континенту Му (Mummu) и блаженным «Justified Ancients of Mu Mu»; группа из Драммонда и Каути была названа именно так. Драммонд ориентировался на тогда еще совсем не модный хип–хоп. Хип–хоп–музыканты были зачастую анонимны и практически не использовали музыкальных инструментов (кроме сэмплинга). Сие, предполагал Драммонд, должно разрушить конвенциональную музыку, основанную на мастурбационном инструментальном фетишизме и раздутых эго рок–кумиров; отчасти так и вышло. Музыку он ненавидел.

Воспользовавшись дешевыми сэмплинговыми машинами, «Justified Ancients of Mummu» выпустили пластинку DIY–танцевальной музыки, под неприличным названием 1987 (What the Fuck's Going On); по тем временам, оно звучало неописуемо и дико – загадочная помесь панка, диско и хип–хопа.

Первый трэк состоял наполовину из цитат (сэмплов) популярной группы «Абба», наложенных на издевательские детские звуки и политическую пропаганду; как и ожидалось, адвокаты Аббы немедленно потребовали уничтожить запись и все копии пластинки. Это и было произведено, с огромной помпой.

Все дело в том, что в тот момент успех группы определялся исключительно ее успехом у музыкальной прессы; то есть все определялось эффектной подачей материала – а что может быть эффектнее, чем публичный скандал.

Каути и Драммонд объявили, что едут в Швецию, с целью объяснить участникам Аббы всю ложь и лицемерие; взяв с собой до кучи журналистов, они поехали в Швецию на пароме, где сфотографировались в 3 часа ночи перед оффисом «Аббы» с блондинистой проституткой (предположительно, Агнетой, которая от прошедшего времени изрядно поиздержалась). Не попытавшись встретиться с остальными участниками «Аббы», JAMS и журналисты отправились обратно на паром, по дороге устроив ритуальный костер из оставшихся пластинок. Когда шведский фермер обнаружил у себя на поле вонючий костер из пластика, он выбежал из дома с ружжом и попытался перестрелять веселую компанию нахер; но не преуспел в этом, дострелившись только до заднего бампера автомобиля. Недогоревшие копии утопили с баржи на обратном пути.

Была издана сокращенная версия, с подробными инструкциями, рассказывающими, как восстановить оригинал.

Сохранившиеся копии пластинки 1987 (What the Fuck's Going On) сейчас – стоят 1000 фунтов с хвостом.

Так в музыкальной индустрии начался серьезный антикопирайт.

Нельзя сказать, что Драммонд и Каути ожидали чего–то другого; выпускающий лэйбл их назывался KLF – Kopyright Liberation Front, а пластинка была украшена шедшей вдоль периметра надписью «Во имя Му, отныне освобождаем мы эти звуки от всех ограничений копирайта, без слабости и без предубеждения». Но вряд ли они себе представляли масштабов начатого ими движения – ведь из сотен антикопирайтных сайтов по всей сети, в настоящий момент почти все посвящены

освобождению поп–искусства от тяготеющего над ним призрака главного бухгалтера с лысиной, геморроем и венком копирайтных уложений под мышкой. И все эти сайты, косвенно или прямо, указывают на KLF.

Впрочем, KLF отлично укладывались в традицию анти–социального (а то и преступного) поведения, предписываемого панком; первая о них статья называлась «The Great Tune Robbery» (Великое Ограбление Мелодий); что указывало на популярный эпизод 1960–х, «The Great Train Robbery», один из главных участников которого Ронни Бриггс сбежал в Бразилию и жил там до весны 2001 года. Живя в Бразилии, Бриггс был взят Малькольмом Маклареном в качестве вокалиста в Секс Пистолз в замену Джонни Роттена. В начале 1980–х Макларен пытался прославиться, издавая журнал о сексе с детьми 5 лет, фотографии и все дела. Макларену казалось, что сие является верхом идейности и анархизма, но педофилию не одобрил даже его ближайший соратник Джейми Рид, и Макларен после пары номеров журнала отступился.

Масс–медиа воспринимала деятельность КЛФ именно так.

Воспоследовавшее поколение поп–артистов оформило спонтанные дадаистские перформансы КЛФ в нечто вроде анти–копирайтной методологии; танцевально–индустриальная рэп–группа с говорящим названием Pop will eat itself, действовавшая под лозунгом «Sample It, Loop It, Fuck It and Eat It», создала десятки хитов путем реконструкции хитов уже существующих.

Развитие поп–музыки виделось этим поколением музыкантов как последовательное приближение к все более близкому, хотя и недостижимому идеалу; каждый следующий хит все больше и больше напоминал хит предыдущий. Поп–музыкант виделся не как инноватор (ничего нового вообще не бывает, сказал еще К.Рерих, известный эзотерик и авангардист), а как искусный конструктор поп–продукта из готовых компонентов. В этом смысл фразы «Pop will eat itself» – смысл и содержание поп–музыки это ею себя поглощение целиком.

Эта точка зрения была весьма подробно изложена в автобиографическом тексте KLF – руководстве The Manual – HOW TO HAVE A NUMBER ONE THE EASY WAY о простом получении топ–1 хита.

В этом отношении, сэмплинг был естественным продолжением панка. Поп–музыка есть одно из множества средств контроля над обывателем; поп требует неописуемых финансовых вложений (инструменты, запись, судийное время), таким образом осуществляя нечто вроде тирании очень богатых над не очень богатыми. Нищий артист, сэмплирующий кого–то из

мульти–миллионеров, опрокидывает неравенство и делает первый шаг по освобождению от этой тирании.

В 1990–х, это соображение породило целое движение нелегальных и полу–легальных артистов; многие из которых имели большие проблемы с судебными органами, вплоть до конфискации.

Помимо прочего, в руководстве по получению топ–1 хита содержится следующее соображение, отчасти иллюстрирующее непростое отношение к панку KLF и вообще британской танцевальной поп–музыки того времени.

> Если считать, что зарождение независимых лэйблов было положительным результатом панковского видения, весьма отрицательным результатом того же был культ колоссальных гонораров. Этот культ восходит к предположительно ситуационистским розыгрышам Малькольма Макларена. Предположение, что мульти–национальные корпорации были каким–то образом обобраны стали жертвой какого–то невероятно хитрого жульничества – целиком и полностью ложное. Не было никакого Великого Рон–н–Ролльного мошенничества. [последний альбом Секс Пистолз – «Great Rock 'n' Roll Swindle» – М. В.] Как старым обманутым солдатам, четверке выживших музыкантов группы не осталось ничего, кроме выцветших воспоминаний о славных днях. Вокалист, в ловушке своего собственного цинизма; подобный вечно юному трупу. А записывающие компании и менеджеры авторских прав становятся все больше и все сильнее; а их работники обсуждают следующее повышение зарплат за бесплатным корпоративным обедом. Как будто Малькольм никогда не читал «Фауста».

Похожими практиками, по словам их основателя, пользовалось пост–ситуационистское движение Art Strike (очередной организационный бесплод английского левого активиста Стьюарта Хоума), и другие организационные бесплоды (неоизм, плагиаризм). Собственно «Art Strike» идея состояла в том, что художники должны объявить забастовку, и три года ничего не «создавать».

Будучи неизобретательным продолжением ситуационистской традиции, в рамках малохольного, выморочного и никому не интересного мирка английских полупедерастов–художников за правительственный грант, никакого эффекта эти неологизмы не произвели. Ну и хер с ними, да.

Кого в сущности ебет, «создает» ли свое (никому, кроме правительственных агентств, неинтересное) «искусство» тот или иной полупедераст?

Книга третья
FAIR USE: THE STORY OF LETTER «U» AND THE NUMERAL «2»

«„U2“ vs. „Negativland“»:

Занимательные истории из мира шоу–бизнеса, часть 2

США, 1991

…Всякий раз, разговаривая с группой, которая собирается заключить контракт с крупной корпорацией, я не могу отделаться от одного и того же образа. Я представляю себе окоп, где–то два метра шириной и три метра глубиной, может быть, метров триста в длину, весь наполненный подтекшим и разлагающимся говном. Я представляю себе этих музыкантов, хороших друзей или случайных знакомых, с одной стороны этого окопа; и я представляю себе безликого лакея корпорации – с другой стороны окопа, с ручкой паркера и контрактом в руках. Никто не видит, что именно написано на контракте – шрифт слишком мелкий, к тому же от говна у всех слезятся глаза. Лакей кричит, что первый, кто переплывет канаву, подпишет контракт; все бросаются в окоп и из последних сил пытаются переплыть. Два человека доплывают одновременно и начинают яростно драться, царапая друг друга и окуная

в говно. Наконец, один из них сдается; из соревновавшихся, остается всего один. Он тянется к перу, но лакей произносит: «Мне думается, что вам нужно еще вырасти. Плывите еще раз. На спине.»

И он плывет.

Steve Albini,

«The Problem With Music»

В Америке независимая музыка существовала в иных формах, чем в Британии; по сути это была совершенно другая вещь, и называлась она, соответственно, по–другому – college alternative, студенческая альтернатива. Впоследствии это сочетание сократилось до alternative, а в начале 1990–х (с возвышением «Нирваны» до статуса, прежде достижимого одной Мадонной и Майклом Джексоном) alternative приобрело новый смысл и обозначает отныне разновидность коммерческой поп–музыки а ля Нирвана и Лимп Бизкит (male–dominated, testosterone–ridden, guitar–oriented pop).

Изначально же college alternative относилось к музыке, которую транслировали условно–независимые и условно–некоммерческие студенческие радиостанции. В Америке собственно панка никогда не было, и college alternative относилось к разного рода пост–панку – музыке однообразной, агрессивной, практически без исключения гитарной и (за редкими исключениями) без каких–либо женских исполнителей.

Британский пост–панк был своего рода анти–идеологической реакцией на чрезмерную идеологизированность панка; при этом, идеи панка оставались в британской музыке своего рода подводным течением, определявшим курс движения идеологем. Напротив, американская «альтернатива» была практически лишена идеологий; за вычетом набора стандартных в университетских городках общих мест (борьба за аборты, освобождение гомосексуализма, радикальное вегетарианство), college alternative не имела каких–либо взглядов и идей вообще.

Тем удивительнее возникновение, практически на пустом месте, мощной анти–копирайтной рефлексии.

Причины у этого, видимо, целиком экономические. Момент, так сказать, истины для американской поп–индустрии явился в 1990–м году, в виде нашумевшей чрезвычайно книги Hit Men. В книге этой было указано на следующие общем–то довольно

известные обстоятельства: (а) музыкальная индустрия в Америке де–факто монополизирована несколькими – пятью – мульти–национальными компаниями, которые по частям принадлежат тем же самым людям (б) те немногие из этих людей, которые не принадлежат к мафии, пользуются мафиозными практиками, ибо иначе в этом бизнесе жить невозможно (в) эта система не приносит ни славы, ни стабильного дохода артисту; заражая его широкими привычками наркомана и нувориша, пережевывая его и выплевывая, нищего, как ненужный мусор или кусок. Магическим актом *называния* нечто, и без того всем очевидное, обрело плоть и кровь.

Памятник эпохи: The Problem With Music: экономические аспекты индустрии, примерно тогда же подробно инвентаризованные бывшим панком Стивом Альбини; мультимиллионным продюсером Нирваны, Pixies и чуть ли не Мадонны.

Убеждение о невозможности зарабатывания денег музыкантом (безусловно, верное, но к делу это не относится) приобрело к началу 1990–х статус поистине мифологический. Если музыкант не имеет возможности зарабатывать бабки, то кто же такие музыканты, которые бабки таки зарабатывают? Разумеется, это никакие не музыканты, а бессмысленные рабы и придатки корпоративной машины (что тоже правда, кстати). Иллюстрируется сие тысячью и одной баснословной историей о коммерческих лже–музыкантах. Так, Марайя Кари, как известно, зарабатывала все свои суперхиты минетами (будучи замужем за Томми Моттола, начальником записывающего отделения Сони, она была в позиции для этого дела привилегированной). Майкл Джексон, напротив, является мульти–миллиардером, собственником половины мульти–национальных корпораций и скупил в свою собственность копирайт на все альбомы Битлз.

Верны эти истории или нет – вопрос достаточно

бессмысленный; подобно праведному убеждению о преимуществе некоммерческих программ над коммерческими, легенды о бездарности и ангажированности коммерческих музыкантов питаются от религиозного пафоса приверженцев некоммерческих групп; к концу 1980–х, пафоса этого было предостаточно.

И весной 1991–го года, антикоммерческий пафос вылился в поучительный и весьма шумный конфликт, вынесший тему антикопирайта – отныне и присно – на первый план всех дискуссий о политике, культуре и популярной музыке.

А вышло это так.

...В августе 1991 года группа «Negativland» выпустила мини–альбом о собачке Snuggles, букве U, цифре 2 и этих парнях из Англии (but who gives a shit)...

But who gives a shit.

Сюрреализм был достаточно недолговечным течением в авангарде 1920–30–х; сюрреализм был – не более и не менее чем интеллектуальной, эстетической западноевропейской интерпретацией сталинизма; и когда сталинизм себя окончательно дискредитировал, он одновременно и необратимо дискредитировал адептов сюрреализма. В Америке, где сталинизм был (а в нескольких штатах остается и сейчас) уголовно наказуем – сюрреализм не закончился до сих пор.

Говорит Дон Джойс, участник группы «Negativland»:

> ...Начавшийся в 1890–х и начале 1900–х, сюрреализм и до сих пор остается основной эстетикой всех вещей, которые считаются современными и прогрессивными...

Группа «Negativland» возникла в 1979–м году в Калифорнии, в качестве сюрреального хобби четырех интеллигентов из университетского городка Беркли; и существовала себе потихонечку вплоть до конца 1980–х, выпуская себе альбомы и продавая их маргиналам, некоммерческим образом. Названа группа была в честь альбома германской краутроковой группы «Neu!», 1971–го года, которого одна сторона называется «Negativland», другая «Seeland»; в этом видна масса здорового снобизма – в Америке про Neu! слышали человек 500, а слушали их пластинки вообще считанные единицы. Ничего другого не светило и группе «Negativland».

Пятый альбом «Negativland» назывался «Escape from noise» и содержал в себе песню «Christianity is stupid»; поверх транцевальных ритмов повторялось, в лучших традициях сюрреализма, «The loudspeaker spoke up and said: Christianity is stupid! Communism is good!» – опять и опять. Вокал пастора фундаменталиста, музыка «Negativland».

«Escape from noise» – первый альбом «Negativland» на лэйбле SST, организованном Грегом Гинном, гитаристом Black Flag, американской группы, породившей из себя Генри Роллинза; другими словами, имитационной, коммерческой и однообразно выводящей одну и ту же унылую ноту реализма, суровости, пива и мэйл–бондинга. «Rebel without a cause» как это дело называется по–английски. Роллинз был своего рода Брюсом Спрингстином (ну, Высоцким) от коммерческого панка, и остальные артисты SST были примерно такие же (Husker Du, типа); в силу этого обстоятельства, SST была чрезвычайно коммерчески успешна (с оборотом в миллионы и десятки миллионов долларов ежегодно). «Negativland» смотрелась на этом фоне дико.

Оказавшись на крупнейшем в Америке условно–независимом лэйбле, «Negativland» ощутила себя в двойственном положении – с одной стороны, это придавало группе бона–фиде статус коммерческого «альтернативного» проекта; с другой стороны, вести себя в соответствии (т.е. выезжать на гастроли и давать концерты, размахивая немытыми волосами, дисторшном и электрогитарами а ля Husker Du) граждане в общем–то не умели.

18 февраля 1988 года шестнадцатилетний подросток Давид Бром укокошил свою маму, папу, а также сестру и брата топором; история в общем–то не замечательная. Вся семья была убежденные католики. В газетах сообщается, что незадолго до смерти достойные родители подростка ругались с ним из–за кассеты, которую тот слушал перед тем.

10 марта 1988 года, «Негативланд» отменили намеченные на весну гастроли, за полной абсурдностью самой идеи. В официальном сообщении для прессы, сообщалось, что компетентные органы, расследующие убийство Давида Брома (в лице несуществующего федерального офицера Дика Джордана) настоятельно посоветовали группе не отлучаться из города на время расследования.

На протяжении весны и лета 1988, «Negativland» становится центром грандиозного медиа–скандала; сотни репортеров и десятки тележурналистов пытаются брать у них интервью. «Negativland» не отвечает ничего определенного, ссылаясь на советы (несуществующего опять–таки) адвоката Хола Стэкке, защищающего группу от обвинений в причастности; зато много рассказывает журналистам о предсказуемости и дешевом сенсационализме американских масс–медиа. Из окончательных интервью все эти материалы, разумеется, вырезаются. Каждый следующий репортаж повторяет сенсационные «факты», подчерпнутые из предыдущего, создавая таким образом целиком фиктивную картину причастности и разбирательства; становится

совершенно очевидно, что основным (а в большинстве случаев и единственным) источником для масс–медиа являются – масс–медиа. Возникают спонтанные медиа–артефакты, лишенные смысла либо заведомо ложные сообщения, повторяемые одним репортером за другим, и таким образом обретающие плоть и кровь. Это процесс не осмысленный и не сознательный, а нечто вроде тропизма, поведенческого механизма амеб и инфузорий.

Американский подросток, убивающий свою семью либо одноклассников (в товарном количестве) – ситуация абсолютно обыденная, и легко объяснимая тем, что оные подростки проводят, в среднем, по 8 часов в день за смотрением (американского) телевизора. В конце 1980–х, возник еще один спонтанный медиа–артефакт – загадочное поведение подростков объяснялось кознями сатанистов, записывающих задом наперед сатанинские призывы на всякую рок–музыку. Довольно много родителей, обнаруживая такие сообщения, подавали в суд на Оззи Осборна, AC/DC и Лед Зеппелин; выходили целые руководства для родителей, посвященные обнаружению и борьбе с сатанизмом задом наперед.

История с «Negativland» и Дэвидом Бромом отлично вписывалась в этот контекст. Шестой альбом «Negativland» назывался «Helter Stupid»; он являл собой политический и художественный комментарий к американским масс–медиа, на примере этой идиотской истории.

Сильно ближе концу 1990–х, невероятно модная практика социального критицизма в виде медиа–розыгрышей получила название culture jamming (либо media jamming). Медиа не ведет диалога ни с кем; масс–медиа это непрекращающийся монолог–репортаж масс–медиа о масс–медиа, своего рода намасленный паразитический механизм, паразитирующий сам на себе и без передышки создающий вторичную медиа–реальность; реальность более влиятельную и более адекватную современным условиям, чем «первичная» (если она еще бывает, а не является, например, языковым конструктом, производным от медиа–реальности). Единственный, возможно, метод борьбы с механизмом – создавание помех; culture jamming, забивание клиньев в эту самую нехорошую промасленность. Основателями этого типа движения, в смысле culture jamming, считается «Negativland»; слово они тоже изобрели, в доисторическом 1984 году.

...these guys are from England... and who gives a shit!

После бесплатной рекламы за счет героического подростка, боровшегося с перенаселением, дела «Негативланд» пошли гораздо лучше, и в 1989–м году гастроли таки состоялись. На гастролях этих любители творчества группы подарили группе подпольную запись американского популярного радиоведущего по имени Casey Kasem, с передачи American Top–40, где тот забавно ругался матом на своих сотрудников и вообще на всех. Негативланд немедленно решили эту запись издать; проинтерпретировав ругань радиоведущего как комментарий о корпоративной американской музыке, с передачи American Top–40. Casey Kasem ругался на группу «U2» (that's a letter U and a numeral 2); поскольку ничего более корпоративного, бездушного и автоматизированного изобрести все равно не можно, ругань радиоведущего (these guys are from England... and who gives a shit!) была замешана с отрывками из U2 и проникновенно зачитанным вслух текстом песни «I still haven't found what I'm looking for» с последнего мегаплатинового альбома; все это было благополучно и с удовольствием издано лэйблом SST. На обложке был изображен самолет–разведчик U2, сбитый советскими пограничниками на нашей территории в 1962 что ли году; большими буквами написано было «U2», и маленькими «Negativland».

That's a letter U and a numeal 2.

Через день после выхода сингла «U2», в адрес лэйбла SST и группы поступил 180–страничный иск от корпорации («Island»), которой принадлежал U2. По самым скромным оценкам, судопроизводство обошлось бы SST и Негативланду в $400,000; и несмотря на мульти–миллионный оборот, SST не решились судиться и приняли условия «Айлэнда»; заставив и «Negativland» принять эти условия.

Условия состояли в выплате части гонорара адвокатам «Айлэнда», составлявшим иск (получилось $40,000 из $50,000, затраченных «Айлэндом» на эти самые гонорары) и уничтожении всех напечатанных копий сингла, каковых было 12,000 штук; плюс, передаче Айлэнду всех прав на сингл, также мастеров, болванок, и всех механических частей, использованных в производстве; также всех материалов рекламного характера. В общей сложности, SST и «Negativland» пришлось возместить $95,000 – больше, чем группа «Negativland» заработала за 10 с

хвостом лет своего существования (считаем: было издано штук 7 альбомов, суммарным тиражом ну тысяч в 50; с каждого из них группа имела ну от силы доллар).

SST потребовала от «Negativland» немедленной выплаты половины условленной суммы. Группа, естественно, ничего выплачивать не стала (выступив с контрпредложением – оставаясь на SST, выплачивать лэйблу убытки из гонораров с будущих альбомов), за отсутствием денег. Вместо этого группа «Negativland» издала журнал, «The letter U and the numeral 2», где воспроизвела переписку с SST. Лэйбл SST немедленно подал на «Негативланд» в суд и заодно уж отобрал в свое пользование права на весь каталог старых альбомов «Негативланда».

«Негативланд» вернулся к независимому статусу; без каталога, без денег, без аппаратуры, и с горой судебных повесток и невыплаченных счетов адвокатам.

Американские медиа **обожают** такие истории. Маленький нищий художник Джерри пал жертвой жирного корпоративного кота (Тома) по кличке Ю–ту; а все его преступление заключалось в упражнении конституционного права свободы слова первой поправки к Конституции и сатиры в ущерб мульти–национальному корпоративному гиганту (стадионных рокеров а ля «U2» никто за художников не держит – это трэйдмарк, производящий определенный продукт; наравне скажем с пепси–колой). Американский журналист, который не уцепится немедленно за подобную историю – это не американский журналист, а какой–то наверное чукча либо инопланетянин.

«Negativland» эксплуатировали предсказуемость и идиотизм масс–медиа не менее искусно, чем за несколько лет до этого в эпизоде с покойными родными Дэвида Брома. Возникший таким образом сенсационалистский душещипательный скандал не только затмил тысячекратно сомнительный всплеск медиа–активности, отмеченный в «Helter Stupid» – он немедленно сделал «Negativland» всеамериканскими героями и борцами за свободу; SST и U2 были выставлены ярмарочными злодеями, а «Negativland» невинной жертвой интриг, затерявшейся среди шестеренок корпоративного механизма.

Года до 1994–го их жизнь являла собой непрерывное судопроизводство, в полном соответствии с известным эпизодом из Золотого Теленка:

> ...И долго еще скитался непокорный квартирант, в поисках правды добираясь до самого всесоюзного старосты товарища Калинина. И до самой своей смерти квартирант будет сыпать юридическими словечками,

которых понаберется в разных присутственных местах, будет говорить не «наказывается» а «наказуется», не «поступок», а «деяние». Себя будет называть не «товарищ Жуков», как положено ему со дня рождения, а «потерпевшая сторона». Но чаще всего и с особенным наслаждением он будет произносить выражение «вчинить иск». И жизнь его, которая и прежде не текла молоком и медом, станет совсем уже дрянной.

Начальник SST Грег Гинн не унывал, а написал «U2» панибратское открытое письмо с просьбой устроить благотворительный концерт в пользу SST; и одновременно напечатал много маек с надписью Kill Bono (Боно это типа певец в этом самом «U2») и стал продавать. «Negativland» (в тот момент уже бывшие потерпевшей стороной от судебного иска этого самого Грега Гинна) и ту и другую акцию осудили, как дурацкую.

По судебному соглашению и в возмещение убытков, «Negativland» выдали SST мастера и обложки к следующему альбому, «Live Stupid», которого выход планировался на 1992. Грег Гинн (SST) держал их под сукном на чем потерял какие–то бабки (минимальные, впрочем, сравнительно с его тотальным многомиллионным оборотом), а в 1997 году выпустил под названием «NEGATIVELAND – LIVE ON TOUR». Имя группы на обложке указано с ошибкой, и вообще вся обложка выкинута и заменена на какую–то дурацкую; а вместо мастера, использована его энного порядка кассетная копия с характерным шипением и хрустом; а все удовольствие продавалось за $17.99 – в два раза дороже, чем собственные альбомы «Negativland». Вот какая бывает человеческая мстительность и свинство.

Судьба «U2» сложилась следующим образом. К 1993–му году, сильно стал моден «киберпанк»; известный идиот Билли Айдол выпустил аж–таки альбом «Cyberpunk», с фотографией этого самого идиота Билли Айдола на обложке, в очках и блестящем комбинезоне. Не желая отставать от моды, гитарист «U2» по имени The Edge (Едж) позвонил в журнал «Mondo 2000», и объявил, что он хочет дать этому журналу интервью (практика, видимо, достаточно обычная – нет такого журнала, который не мечтал бы страстно взять интервью у «U2»; эта группа однако сделала больше бабок, чем любой другой коллектив, за вычетом The Beatles). Редактор (R.U.Sirius) отказываться тоже не стал, а позвал брать интервью участников «Negativland» (которые с ним помногу сотрудничали и так, будучи модными чуваками и проживая тем более в Калифорнии). «Negativland» долго расспрашивали Еджа, чего он думал, когда «Island» от его имени

преследовал «Negativland» и грозился все конфисковать; оказалось, что Едж ничего не думал, поскольку вообще в ситуации не разбирался и вообще такие вещи решаются без него. По части копирайтов, сэмплинга и fair use, Едж был во всем согласен, чего бы ему не говорили. Под конец граждане из «Negativland» расслабились и попросили у него $10,000 бабок в долг; он радостно ответил давайте–давайте шлите мне адрес куда присылать. Ничего, впрочем, не прислал.

Среди 20 с чем–то миллионов покупателей альбомов «U2» никто, конечно, не слушал сингла «Negativland»; но среди 20 с чем–то тысяч любителей «Negativland», слово «U2» автоматически наводит на мысль об индустриальных коллажах, освобождении копирайта и собачке Snuggles. Если понимать индустриал как практику медийного терроризма, то судебный процесс «„U2“ против „Negativland“» был самым важным событием индустриальной культуры за всю декаду; в том же смысле, в котором выставка Prostitution была самым важным эпизодом в истории Coum Transmission и Throbbing Gristle.

Но у этой истории есть еще один аспект. Через месяц что ли после выхода сингла «Negativland»–«U2» был назначен выход первого за 4 кажется года альбома «U2» – «Achtung Baby»; этот альбом продюсировал Брайен Ино и напихал туда всех моднючих вещей, которые нашел. В попытке избавиться от имиджа корпоративных зомби, «U2» объявили, что больше всего вообще любят чудовищно скучную бельгийскую электронно–танцевальную группу «Klinik» (а может, «Insekt» – я всегда их путаю) и стали делать что–то не менее тошнотворное; периодически называя это индустриал. В конфликте «„Negativland“ vs. „U2“» можно наблюдать странное отражение противоречия между двумя видами индустриала. Один (восходящий к Throbbing Gristle) ориентирован на философию, метафизику и анализ практик масс–медиа, другой ориентирован целиком и исключительно на имидж (шумовые элементы, танцевальные ритмы, невнятную агрессивность). Эволюция «индустриала» идет именно к этому типу музыки; в настоящий момент, «Achtung Baby» группы «U2» – гораздо ближе к тому, что понимается под словом индустриал, чем «Negativland».

Забавно, что «Ахтунг Бэби» назывался сайт, эволюцией всех вещей впоследствии оформившийся в «Industrialmusic.Ru». Ирония сего обстоятельства достойнейшим держателям industrialmusic.ru, я подозреваю, чужда; однако ни одного упоминания «Negativland» на industrialmusic.ru Яндекс не находит.

Fair Use: экспансия копирайта и смерть культуры

The Story of the Letter U and the Numeral 2

Предоставленное им во время гонений на букву U и цифру 2 медиа–пространство Negativland использовали самым разумным образом – с требованиями немедленной реформы копирайтного законодательства. Когда вся история кончилась, материалы по судебному делу и медиа–кампании были собраны в книжку под названием «Fair Use: The Story of the Letter U & the Numeral 2»; которая книжка, крайне популярная, стала одним из самых веских аргументов в пользу пересмотра законов о копирайте.

На сайте «Negativland» имеется достаточно подробный раздел со всякими статьями об интеллектуальной собственности (и ее пересмотре). Соображения сводятся к следующему.

Копирайт не охраняет автора от воров, которые стремятся ограбить и лишить его законного добытка. Это миф; экономические обстоятельства таковы, что независимый артист не имеет ни малейшей возможности засудить кого–то за копирайт, это слишком дорого. Во всех без исключения случаях, судопроизводство ведется корпорацией от имени и за спиной артиста; а зачастую и без ведома артиста. Так, «Island» истратил $50,000 на разорительный процесс против «Negativland», даже и не поставив в известность предположительного бенефактора этих телодвижений, группу «U2».

В России, мерзавцы из сайта «Звуки.Ру» пытались засудить какой–то еще другой сайт за нарушение эксклюзивных прав на выкладывание в сеть MP3 уже 10 лет как покойной Янки Дягилевой. Суд установил, что никаких прав нет у них самих (не могло вообще никак быть таких прав, ни у кого; каждому, кто хотя бы поверхностно знаком с ситуацией вокруг наследства Янки, сие должно быть вполне очевидно). «Эксклюзивность» прав «Звуков.Ру» на другие проекты не менее сомнительна – в лучшем случае, музыканты подмахивают ту или иную бумажку в обмен на обещание «Звуков.Ру» сделать для них страницу в Сети, не понимая, чего же собственно они подписывают.

Многие из музыкантов, от чьего лица Record Industry Association of America засудило Напстер, не только ничего не имели против Напстера, но и сами активно им пользовались; что бы ни утверждалось этой самой RIAA, она представляет

корпорации на деньги корпораций – и никого больше. А где это оставляет музыканта? Известно где. *...Я представляю себе окоп, где–то два метра шириной и три метра глубиной, может быть, метров триста в длину, весь наполненный подтекшим и разлагающимся говном. Я представляю себе этих музыкантов, хороших друзей или случайных знакомых, с одной стороны этого окопа; и я представляю себе безликого лакея корпорации – с другой стороны окопа, с ручкой паркера и контрактом в руках...* Альбини не шутит и не преувеличивает; будучи неоднократным участником миллионных сделок, он лучше всякого знает экономическую кухню внутри корпораций от шоу–бизнеса. В абсолютном большинстве случаев, музыкант окажется богаче, не подписывая контракта.

Корпоративный шоу–бизнес ведется не в интересах музыканта; корпорация и музыкант – антагонисты. Копирайт, в его настоящей форме будучи средством защиты интересов корпорации, никак не служит интересам музыканта; а даже и наоборот.

Современные условия бытия оставляют человека один на один с бесконечным монологом масс–медиа и культуры; монологом масс–медиа и культуры о самих себе. Хуже того, реальность, с которой имеет дело субъект культуры – есть продукт этого самого монолога. Человек остается безвольным и безвластным червяком в колоссальной кафкианской машине само–воспроизводящейся культуры. Культуры, язык которой защищен копирайтом – чтобы произнести в этом смысловом поле нечто осмысленное, вообще что–то произнести, требуется добыть разрешение владельца копирайта.

Копирайт обозначает тиранию гораздо более жестокую и окончательную, чем все известные формы тирании – прежде никому не приходило в голову кодифицировать все виды экспрессии и требовать получения отдельного разрешения на каждый.

«Negativland» утверждали, что в современной ситуации единственно адекватным видом искусства является коллаж. «Реальность» перенасыщена знаками, хуже того, «реальность» *состоит* из знаков. Любое сколько–нибудь адекватное «реальности» утверждение должно быть произнесено на языке тех самых знаков, которыми оперирует «реальность»: рекламных роликов, слоганов и плакатов, мусорной музыки из супермаркета (тех же «U2», «Beatles» или «Modern Talking»), неоновых вывесок, корпоративного дизайна и городской архитектуры. Копирайтное законодательство в его современной форме делает искусство коллажа де–факто уголовным преступлением; запрещая таким

образом любое сколько–нибудь содержательное художественное высказывание; кроме рекламы, косвенной и явной пропаганды преимуществ той или иной трэйдмарки.

Третий из аргументов, выдвинутых «Negativland», к настоящему моменту стал практически общим местом. Культура остается живой лишь постольку, поскольку развивается; а развивается культура – путем ассимиляции индивидуальных текстов в общее текстовое и речевое пространство. Скажем, фольклорный стишок появляется как авторское произведение, но ассимилируется, после произвольного тиражирования, как нечто анонимное и подверженное произвольным изменениям. Или, в математике, теорема возникает с четкой и определенной формулировкой, подписанная автором; а ассимилируется наукой, после цитирований и переформулировок, в виде достаточно расплывчатой идеи, зачастую утратившей и автора и начальную четкость формулировки.

Современное состояние законов о копирайте таково, что процитировать даже одну–две фразы кем–то сочиненного текста проблематично. Так, на буклете к обложке альбома «Chumbawamba» «Thubthumping» было много коротких цитат из разных статей; в Америке этот буклет пришлось публиковать вообще без цитат, поскольку чтобы даже и одну фразу процитировать требуется теперь разрешение.

Для культуры это означает смерть, безвозвратную и окончательную – что произошло бы с математикой, если бы нельзя было использовать кого–то теорему без разрешения автора или наследников? Кирдык.

Между прочим, идея о помещении копирайта на теоремы – родная весьма и близкая американской коллективной душе. Хорошо известна история о том, как в штате Индиана законодатели приняли в первом чтении закон о точном значении числа пи; но не все знают эту историю в подробностях. Закон регламентировал употребление пи в разных ситуациях по–разному; число пи принимало различные значения от трех до четырех, в зависимости от области применения. Функцией закона была охрана конечного потребителя от махинаций ремесленников и фабрикантов, использовавших некондиционные пи.

Закон был принят под давлением изобретателя, открывшего квадратуру круга, трисекцию угла и удвоение куба. Он обещал, что если законодатели примут его закон, то штату не придется платить отчисления автору квадратуры круга, трисекции угла и удвоения куба причитающиеся ему отчисления за публикацию квадратуры круга, трисекции угла и удвоения куба в школьных учебниках математики; а остальным штатам придется платить.

Американская наука устроена именно так; и вообще все американское так устроено.

А техасский губернатор Джеймс Фергюссон сказал так «If English was good enough for Jesus, it's good enough for the schoolchildren of Texas.»

Некоммерческое использование чужого текста – fair use – в Америке исчезает, от года к году, как какой–то вымирающий зверь или насекомое. Так, 20–30 лет назад скопировать для себя статью из журнала (научного, например) можно было совершенно легально и беспрепятственно. В 1994–м году хай–тек корпорация «Тексако» окончательно проиграла много лет тянувшийся процесс «Геофизический союз против „Тексако“», у нее взяли штраф и на будущее запретили ученым копировать в библиотеке статьи, без разрешения правообладателя – даже для собственного употребления. Ситуация с легальностью подобной практики в университетах сейчас неясна, в библиотеках предупреждают, чтобы копировали на свой страх и риск; но ситуация развивается к тому, что и это со временем запретят. Запрет на цитирование двух–трех фраз из статьи – тоже нововведение последнего десятилетия.

Одновременно с де–факто уничтожением fair use, все большее и большее число вполне мэйнстримных персонажей выступают в его защиту. В 2001 году профессор Лауренс Лессиг, модный юрист (назначенный каким–то там журналом в «100 наиболее влиятельных адвокатов 2000 года», серьезный человек и советник, говорят, то ли Буша то ли Клинтона) написал книгу «Будущее Идей». Изложив какое–то количество ужасающих жизненных историй (так, известный фильм Терри Гильяма «12 Обезьян» был арестован судом через 28 дней после его публикации, так как выяснилось, что в фильме было снято кресло, похожее на эскиз одного дизайнера; а копирайта на кресло у продюсера фильма не оказалось), Лессиг доказывает, что экспансия копирайта последних 3–4 лет коренным образом меняет западное общество, превращая каждого прежде законопослушного жителя в уголовника (скажем, подросток, повесивший у себя в комнате изображение, скажем, Микки–Мауса, это изображение таким образом публикует, а значит нарушает копирайт). Хуже того, копировать компакт–диск для своего собственного употребления – тоже нелегально; читать и модифицировать код защищенной копирайтом программы – тоже нелегально. На протяжении буквально 4–5 лет, население Америки превратилось в бандитов, пиратов и уголовников, даже и не подозревая о том. Меры по усилению копирайта и вытеснению fair use, введенные для охраны статус–кво – изменили статус–кво гораздо сильнее пиратов,

Напстера и свободного копирования компакт–дисков.

Разговоры в пользу богатых или Зачем вообще нужен копирайт

> *RMS: I would rather have a quart of Free Software than a gallon of proprietary software.*
>
> *LM: Why?*
>
> *RMS: Because I value freedom, and I won't give up my freedom to have more software.*
>
> *(Ричард Столлман, из интервью «Linux Magazine»)*

Обсуждения аргументов за и против копирайта – занятие достаточно бестолковое; наравне с религиозными дебатами о преимуществе Linux над Microsoft (и наоборот) либо о преступной банде Ельцина (которую под суд) и необходимости рыночных реформ. Адепты различных точек зрения не имеют шансов договориться, и даже слушать друг друга не станут.

Никакого смысла из этих аргументов извлечь, конечно, нельзя. Идея, любая идея, может победить разве что когда ее противники вымрут нафиг. Смысл этой книги не в том, чтобы кого–то убедить; убеждение есть продукт хорошей зарплаты либо когда кого–то бьют тяжелым предметом по башке. Эта книга не для того, а для фиксации разных поучительных историй про антикопирайт.

С другой стороны, и в религиозном диспуте на тему интеллектуальной собственности есть немало поучительного; грех не выслушать официальную точку зрения по такому важному вопросу как.

Под «аргументами в пользу копирайта» давайте понимать весь спектр доводов в пользу сохранения и усугубления интеллектуальной собственности как она есть. Благонамеренные соображения типа «пусть кто хочет воспроизводит у себя чего хочет, только пожалуйста ставьте линк на мой сайт» аргументами в пользу интеллектуальной собственности не являются; являясь скорее соображениями по ее реформе, и – де факто – отмене. В данный момент, законодательство об интеллектуальной собственности, по причине крайней запутанности и невнятности судопроизводства, служит совершенно иным целям

Итак, аргументы в пользу копирайтного законодательства (и тут я говорю о Digital Millennium Copyright Act и его аналогах,

внедряемых повсеместно через WTO, WIPO, GATT и Гаагскую Конвенцию) исчерпываются следующими

• Этический аргумент. Компутерное пиратство (сэмплинг, цитирование, копирование на ксероксе) это воровство. Воровать нехорошо.

• Прагматический аргумент. Чтобы ученому (художнику, писателю, программисту) было чего кушать, ему надо платить за работу. Если все будут друг у друга переписывать его новую компутерную игру (песню, статью, роман, стихотворение), художник умрет с голоду и прогресс остановится.

• Социальный аргумент. Если имущество можно будет задешево копировать, у всех будет всего поровну и задаром. Никто не захочет работать официантом, массажистом, уборщицей или вытирать блевотину.

С конституционной точки зрения (я говорю о конституции США), какой–то осмысленностью обладает только аргумент номер два – в американской Конституции записано, что для стимуляции наук и искусств Конгресс может принимать законы, дающие авторам на какое–то время эксклюзивное право пользования их продуктом. Другими словами, Конституция США рассматривает интеллектуальную собственность не как неотъемлемое право человека, а как привилегию, которой Конгресс может (на какое–то время) наделять автора. Сейчас, конечно, это самое «какое–то время» растянулось до бесконечности: всякий раз, когда подходит срок окончания копирайта на Микки–Мауса, Корпорация Диснея лоббирует конгресс о ретроактивном продлении сроков, и конгресс, не будь дурак, изменяет законный срок копирайта в соответствии. Во времена Томаса Джефферсона срок эксклюзивных прав держателя копирайта составлял 13 лет, а сейчас, после Акта Боно 1996 года, этот срок достиг 70 лет; ведутся дальнейшие переговоры об его увеличении.

Ретроактивное продление срока копирайта очевидно неконституционно, поскольку даже поклонники спиритизма не будут утверждать, что креативность покойных Диснея или Гершвина увеличится от 20–летнего продления сроков; а по американской Конституции, содержание копирайта состоит в стимуляции авторского творчества. Вот что говорит Дэвид Пост, профессор–юрист в Temple University.

> ...Это издевательство. Это безобразие. Я буквально не могу вообразить более вопиющего примера, когда

> Конгресс прогибается в угоду маленькой, целеустремленной и активной группе специальных интересов. Невозможно вообразить, какая может быть обществу польза польза от этих дополнительных 20 лет. Конгресс был куплен. Это была покупка законодателей в ее наиболее грубой форме. Стыд и позор...

В России аргумент в пользу копирайта выдвигается ровно один – этический: каждый несчастный идиот, который поставит себе пиратскую копию чудовищных программ Майкрософта, оказывается мгновенно вором, ограбившим Майкрософт на полтора миллиарда баксов в год (во столько Майкрософт оценивает убытки от русских пиратов; тотальная сумма всех вообще убытков, связанных с пиратами, оценивается в 500 миллиардов в год). А поскольку в России теперь обратно, тьфу, христианская цивилизация, а у евреев в книге написано «не укради», то это значит нехорошо, а те, кто воруют, воры, а вор должен сидеть в тюрьме, а не разговаривать. Действительно, прагматический аргумент здесь не работает. Трудно было бы утверждать, что без полтора миллиарда русских долларов в Америке остановится технический прогресс, да еще до такой степени, что Россия обязана для этой цели платить Биллу Гэйтсу бабки, сопоставимые с годовым национальным продуктом.

Аргумент, основанный на неотъемлемом праве частной собственности, – не просто религиозный; право частной собственности ничем, кроме религии, не гарантируется и не может; но и религия его гарантирует – совершенно не всякая и не любая. Религиозный аргумент в пользу святости всей и всяческой частной собственности невозможен в любом религиозном контексте, кроме иудео–христианского.

Хорошо известен социо–экономический анализ Макса Вебера, объяснявшего особенности европейского хозяйствования и в целом капитализм спецификой западно–европейского христианства. Англо–американская цивилизация построена на протестантской, кальвинистской ментальности – богатство и успех интерпретируется как божественный знак, указующий праведника; в этом религиозном контексте (и ни в каком другом) собственность приобретает характер сакрального посвящения. Вне протестантской ойкумены, о таких вещах, как неприкосновенность частной собственности, говорить просто смешно. Ну какой скажем вред соседу Пете, если сосед Вася скопирует у него Windows XP? Даже если это и воровство, ничего неэтичного в этом нет. Россия живет по совершенно другой этической системе – у нас неэтично было бы, если бы Петя не дал

Васе списать программу, которая ему нужна. Крайний градус конвульсивной прямо–таки истерии, сопровождающий в России анти–пиратскую компанию, объясняется именно этим: если граждане заткнутся хоть на минутку, им самим станет смешно, какую чушь они несут.

В Америке, кстати, отношение к подобным вещам совершенно иное; пиратство реально осуждается, даже если Вася (типа, Базил) дает Пете (типа, Питеру) списать для его нужд программу, это значит, что Петя незаслуженно обогатился за счет чужого труда, типа западло. В полном соответствии с Вебером, русский человек этого понять не может; как в анекдоте – *сол, фасол пишются с мягким знаком, вилька, тарелька пишются бэз мягкого знака; дэти, понят это нелза, это надо запомнит*.

Если студент колледжа обнаружит своего соученика списывающим на экзамене, то непременно донесет преподавателю; потому что все блага, в том числе и оценки, должны доставаться заслуженно и никак иначе (ну может не все до единого донесут, но как минимум половина не поленится и стукнут, а остальные их одобрят). Причем не просто стукнут, а проследят, чтобы преподаватель доложил кому надо в деканат; а если преподаватель не доложил, донесут и на него. Для русских профессоров в американских вузах подобное поведение студентов вызывает сильнейший культурный шок (а зачастую приводит с служебным неприятностям разной тяжести) – а чего вы хотите? Если бы в России была американская религиозная этика, американский капитализм и американские стукачи, это была бы не Россия, а Америка. Так же глупо ожидать от соседа Пети, чтобы он не давал, во имя неприкосновенности частной собственности, соседу Васе списать Windows XP.

Забавна подмена понятий, которую практикуют отечественные лоббисты от копирайта. Копирование программного текста, от которого вообще–то говоря Биллу Гэйтсу ни тепло ни холодно, приравнивается к воровству этого программного текста; а упущенная от этого Биллом Гэйтсом выгода – к прямому убытку от якобы «воровства». С точки зрения кальвинизма, оно наверное и понятно; но все равно дико.

В Америке вплоть до 1950–х никакого копирайта на неамериканский продукт не было, а все потому, что американское копирайтное законодательство, в соответствии с конституцией, служит прогрессу наук и искусств в Америке, и никак не охране иудео–христианских несокрушимых ничем собственнических прав «автора» на написанное им на заборе слово хуй либо Windows XP.

Другое дело что в масс–медиа, по причине материальной заинтересованности, религиозный и этический подход к

копирайту начисто вытеснил подход прагматический. В Америке этическая и социальная система построена на неприкосновенности частной собственности, а антикоммунизм давно уже (начиная как минимум с 1950–х) стал явлением религиозным, по сути эквивалентным христианству. В этом смысл достаточно расхожего отождествления компьютерного пиратства, сатанизма и коммунизма; с точки зрения доминантной в Америке этической системы, это явления эквивалентные, поскольку покушаются на основную сакральную ценность протестантской цивилизации – собственность; сакральное помазание и основной атрибут божества.

Второй аргумент в пользу копирайта – прагматический – подробно и в деталях опровергается сторонниками fair use: «Negativland», Лоуренсом Лессигом и прочими достойными персонажами. Есть масса примеров, когда копирайты мешают прогрессу и просто делают невозможным творчество и научную работу; и ни одного примера, когда без них нельзя было бы обойтись. «Лучше иметь кварту свободного программного обеспечения, чем галлон частно–собственнического программного обеспечения» заявил Ричард Столлман; и оказался в этом совершенно прав – чудовищное перепроизводство софта приводит к тому, что из ста коммерческих программ до прилавков доходят от силы 10, а через 3–4 года и эти десять тоже нигде не купишь. Эволюция компьютерного железа делает все вообще коммерческие программы абсолютно непригодными к употреблению через 7–8 лет после их написания.

Напротив, свободная программа живет вечно, будучи доступна с сети на миллионе фтп–сайтов; а при необходимости (замене операционной системы или компьютерных причиндалов)

ее нужно лишь перекомпилировать и она опять заработает. Даже и пол–пинты свободного программирования для человечества делают гораздо больше для человечества, чем тридцать галлонов программирования частно–собственнического.

Не говоря уже о том, что «прогресс» (как и измеряемый литражом программ, так и прогресс просто) далеко не всеми толкуется однозначно. Можно доказать, что «прогресс» от первобытного строя к Современности заключался в постоянном ухудшении условий бытия, постепенной и неуклонной эрозии творчества и свободы. Можно доказать, конечно, что угодно, но формула «прогресс любой ценой» (ценой творчества и свободы) довольно сомнительная.

Сторонники копирайтов утверждают, что плата за интеллектуальную собственность есть единственный способ экономической поддержки свободного творчества; но это совершенно не так. Культура существовала десятки и сотни веков без всяких копирайтов; если отказаться от пресловутого фаллогоцентризма, то ясно, что творческая и духовная жизнь была на протяжении этих веков ничуть не менее интенсивна, чем сейчас. Даже и сейчас (несмотря на колоссальное давление со стороны индустриальных, финансовых и бизнес–кругов) фундаментальная наука финансируется из источников, никак не связанных с интеллектуальной собственностью; большинство форм искусства, от живописи и поэзии до макраме и балета – тоже. Применение заимствованной из поп–музыки экономической модели в большинстве областей культуры привело бы к немедленному уничтожению всей вообще там интеллектуальной жизни. «Негативланд» и Лессиг утверждают, что то же самое происходит и там – фильме, поп–музыке, программировании – где эти механизмы задействованы.

Есть десятки возможных (и реально работающих) экономических моделей, обеспечивающих поддержку свободного творчества безотносительно к интеллектуальной собственности. В академии это делается так: небольшое ежемесячное пособие выдается каждому, кто тяжким трудом и лишениями докажет свою приверженность интересующему его виду деятельности; в обмен на это, счастливчик обязывается организовать обучение, тяжкий труд и лишения следующему поколению аспирантов. Многие виды искусства (поэзия, да и музыкальный коллаж а ля «Негативланд» тоже) существуют как хобби; другие питаются за счет меценатов. Те из них, которые коммерческие (софт–порн, поп–музыка, Голливуд, бестселлеры) напоминают повторяющиеся от раза к разу штампованные идентично–уродливые макаронные изделия и вообще непонятно зачем нужны.

Когда сенатор Мережковский привел своего семнадцатилетнего сына к писателю Достоевскому за советом, что делать юноше, который хочет стать писателем – Достоевский сказал ему: страдать надо, чтобы стать писателем. На робкое возражение сенатора, нельзя ли как–нибудь без этого–съ, Достоевский выкинул их с крыльца и отца и сына и палкой еще приложил. Аналогичная история произошла с Мандельштамом. Когда к Мандельштаму пришел начинающий поэт с жалобами что его не печатают, Мандельштам спустил того с лестницы с воплями «А Франсуа Вийона печатали? А Андре Шенье печатали»? И действительно ведь не печатали.

Творчество есть продукт отчасти магический, и интересный ровно в такой степени, в которой магический. Магический значит спонтанный, иррациональный, возникающий от духа; магический это когда озарение. Если у человека было озарение оно произойдет бесплатно и даже если сдерут кожу оно все равно произойдет; а если человеку сказать нечего кроме как за бабки, то пусть лучше вообще не говорит. Знаковое поле и так перегружено разной идиотской бессмыслицей, библиотечные фонды Библиотеки Конгресса и гарвардской каждые 20 лет увеличиваются вдвое и никто всех книжек все равно никогда не прочтет. Перепроизводство литературы есть опасность гораздо более серьезная, чем ее недопроизводство; за публикацию книжек не только гонораров платить не надо, по–хорошему за такие вещи следует брать штраф.

Свободное программирование живет за счет консультаций и поддержки программного продукта: свободный он конечно свободный, но в коде сам черт ногу сломит, и богатый пользователь предпочитает выплачивать какие–то бабки автору за то, что тот поможет ему разобраться, либо улучшить продукт. Программист живет чуть беднее, но свободнее; а пользователь имеет кварту свободного программирования вместо галлона программирования частно–собственнического и тоже доволен.

А если жить у себя в офисе профессорском, как Ричард Столлман, обедать со студентками и мыться в общем сортире губкой, то вообще денег никаких не нужно. Но это если ты коммунист.

Грязный розовый коммунист.

Копирайт и коммунизм

> *Я обвиняю Америку, на которой лежит ответственность за позор наших дней: обожествление труда, эту омерзительную идеологию, основанную на прославлении материального прогресса, брезгливо–пренебрежительную к любой утопии и поэзии, ко всему, что служит совершенствованию человеческой души... Я не могу не противостоять этой тенденции; самым решительным броском вперед – идеей, и наиболее творческим из всех действий – бездельем.*
>
> *(Тристан Тцара)*

Последний в пользу копирайта аргумент – социальный: если все будет дешево или бесплатно, никто дескать работать не будет и повсюду наступит ужасная анархия и коммунизм. Аргумент действительно очень серьезный; обществу всеобщего благоденствия посвящена масса кошмарных анти–утопий. В наиболее характерном образчике этого, «Утопии 14» Воннегута, масса оскотиневших рабочих заменена механизмами и не работает, отчего очень страдает и стремится сломать машины, чтобы вместо них делать то же самое. Замена машинного труда обратно на ручной и возвращение к золотому веку Форда, конвейеров и биржевых махинаций – сквозная тема американской фантастики от Херберта и до Воннегута. В построениях теоретиков анархии общество благоденствия, свободной игры и творчества достаточно давно уже и в подробностях обсуждается, но ни в одной, кажется, из американских научно–фантастических книжек не описано ничего подобного.

Это можно, наверное, объяснить глубокой анальной фиксацией всего протестантского (и шире – иудео–христианского) культурного ареала. Действительно, в этом обществе захват и удержание собственности интерпретируется как божественная избранность и спасение от грехов; а это же есть не что иное как сублимация анального удержания на ближайшие доступные объекты. Даже слово property (собственность) в английском языке однокоренное со словом proper (приличный);

общественная роль анально–ретентивного комплекса состоит в борьбе за приличие и за сохранение социального лица.

Коммунизм, будучи обществом бесконечной оральной гратификации, обществом без property и без properness, без социальных рамок и барьеров, на глубочайшем подсознательном уровне пугает и отвращает американца; именно поэтому общество без собственности и без принуждения в Америке – одно из самых запретных табу. Общество «Далекой Радуги» или «Понедельник начинается в субботу» Стругацких для американца – чудовищная, страшная антиутопия; общество, где нет ни Бога, ни Спасения; Бога и Спасения, явленного американцу в форме непосильного, бессмысленного, оглупляющего труда, материального успеха и достатка. Это совершенно неудивительно, что американцы изобрели конвейеры; если можно в одном образе передать американский национальный архетип, то этот образ будет – конвейер.

В настоящий момент, основной императив англо–американской цивилизации – немедленно положить предел безработице и свободным продуктам, покуда волна халявы не захлестнула общество, разрушив социальные и имущественные (т.е. сакральные) барьеры. Это отлично понимают лоббисты законопроектов против Линукса и некоммерческого цитирования защищенных копирайтами работ. Вице–директоры Майкрософт и другие высокопоставленные чиновники от месяца к месяцу твердят, что Линукс бесплатен, а значит противоречит американским ценностям, а значит представляет опасность цивилизации и всему американскому.

Контролировать некоммерческое копирование текста очень трудно; а чем проще нарушить тот или иной закон, тем строже должно быть наказание за его нарушение; иначе закон будет нарушаться повсеместно, и его придется просто отменить. В этом смысл безумных полумиллионных штрафов, которым подвергаются корпорации, у которых найдена одна копия нелицензионного продукта. Дальше будет хуже; за помещение на своей странице в WWW линка на сайт, где рассказывается, как взломать пароль, нарушителю грозит 10 лет тюрьмы – нет никакого сомнения, что и этот закон рано или поздно будет задействован.

Кому–то, возможно, кажется, что истинная суть закручивания гаек в копирайтном законодательстве – защита прибылей интернациональных мега–корпораций. Это совсем не так – мега–корпорациям принадлежит *все*, они скупают американских президентов оптом и в розницу, они фабрикуют протухший суп, булькающий в голове обывателя, и нет никакой силы, которая

могла бы их остановить. Закручивание гаек, подкуп законодателей, все эти бесконечные чудовищные один за другим новые законопроекты, бредовые судебные иски против школ либо подростков, деассемблировавших код той или иной коммерческой программы или вывесивших у себя линк на какой–то незаконный материал – все это страшно невыгодно, некрасиво и в плане public relations прямо–таки разорительно. Невыгодно, ну и что. Копирайт давно уже не экономическая мера; копирайт это мера *полицейская.*

В ельцинской России подоходные налоги не окупали содержания аппарата налоговой полиции и чиновников; при Путине налоги опустили до смехотворно низкой цифры, а собираемость выросла, как и следовало ожидать, минимально. Теперь эти самые налоговые чиновники выжирают из бюджета столько денег, сколько не выжирают все вместе голодающие учителя с собесом, инвалидами и врачами. И никому не приходит в голову почему–то это самое налоговое ведомство распустить; вместо этого налоговики от квартала к кварталу раздуваются, как голодный клещ. Зачем это? Налоги это мера не только экономическая (а в нашей стране налоги это мера нисколько не экономическая) – налоги это форма учета, контроля и когда нужно арестовать очередного самонадеянного вора, Аль Капоне или Гусинского. Подоходный налог – мера в первую очередь полицейская; нужные государству бабки можно добывать, например, из пошлин (как это делалось в Америке вплоть до начала XX века), либо из природных ресурсов, либо из государственных монополий.

Что бы ни говорили адепты интеллектуальной собственности, но единственное содержание около–копирайтного дискурса – полицейское: либо почтенной публике дозволяется колбасить на знаковом поле любого ваньку, которого она захочет, либо это знаковое поле полностью экспроприируется в пользу мега–корпораций. Причем, по мере развития информационной технологии, эта самая экспроприация и контроль должны быть тотальнее и тотальнее; доходя, в идеале, до полной аль–каеды. Чтобы плотнее контролировать смысловое и знаковое пространство, корпорациям приходится развивать технологию; но каждое новое технологическое достижение требует усиления контроля. Замкнутый круг анального удержания, кусающий себя под хвостом.

Есть такая болезнь – анальная трещина; пациента мучает трещина в заднем проходе, от этого ему больно какать и у него начинается запор; но чем сильнее у него запор, тем тверже у него какашки, потому что какашки когда запор твердые. Чем тверже

какашки, тем сильнее они царапают пациенту анус; тем больше и глубже у пациента анальная трещина и тем реже он какает.

В принципе, такая болезнь должна быть у гомосексуалистов.

Альтернатива этому одна всего – общество, где каждый сможет скопировать своим друзьям для своего и их удовольствия любую хорошую или полезную вещь; общество всеобщей радости, вседозволенности и тотальной оральной гратификации.

Либо победит fair use, либо победит анальная трещина. Есть всего два общественных проекта; проект абсолютного анального удержания и проект цветущего разнообразия и всеобщей оральной вседозволенности. Два полюса – порядок и хаос; мужское и женское; США и Россия; море и суша; работа и игра. Во втором проекте заняты коммунисты, радикалы, маргиналы, фашисты, скинхеды, панки, все негры, нищие, ученые, женщины, все, кто молод и голоден. В первом – все обдолбанные богатые подростки, все гуманитарии и попы, все помешанные на иерархии пузатые мужики с их Высоцким, телевизором, спортом, пивом и мэйл–бондингом; все «рок–музыканты», все журналисты, художники за гранты, бизнесмены, писатели и педерасты от масс–медиа. Все сторонники копирайта сплошь гомосексуалисты и педерасты.

Все знают, что копирайт и педерастия это одно и то же; вот попробуйте написать нарочно «копирайт», то и получится гомосексуалист.

Книга четвертая:
НОВОСТИ КОНЦА СВЕТА

Здесь рассказывается о новейших законодательных инициативах, направленных на упрочение законодательства о копирайте

Business Software Alliance

Результат свободного программирования – программы, которые весьма надежны и эффективны, и я счастлив, что это придает ему привлекательности. Но я скоре бы выбрал едва работающую, неэффективную, ненадежную, но свободно распространяемую программу, чем удобную и надежную, но проприетарную программу, которая не уважает мою свободу.

(Ричард Столлман, интервью сайту «Слэшдот»).

Глобализм простер свои крыла над Америкой начиная с конца 1980–х; одновременно с подписанием ею Бернской конвенции о копирайте (1988). А произошло это так. Традиционно, основной экспортной индустрией США были сигареты и оружие; с конца 1970–х, продукция Голливуда и других медиа потеснила изрядно и оружие и сигареты. США стали основным экспортером интеллектуальной собственности и чуть ли не монополистом ее; немедленно Америка оказалась членом всех и всяческих глобальных организаций охраны копирайта. Для выкручивания рук и лоббистской практики на местах был организован амбициозный лоббистский консорциум – Business Software Alliance (1988).

С самого перого дня, анти–пиратское лобби преследовало цели не только заявленные им (анти–пиратские), но и полицейские, а зачастую просто мошеннические. Основным донором BSA был Майкрософт, и функция его поэтому стала – не только бороться с компьютерным пиратством, но и любой ценой развивать и укреплять Майкрософта повсеместную монополию. В странах, с населения которых взять особо нечего, BSA насылает на крупные компании подкупленных ментов и адвокатов, пока тем это не надоест, и после заключает с ними соглашение следующего содержания: BSA отзывает ментов, а взамен компании обещают перейти исключительно на программное обеспечение Майкрософт.

Не встречая никакого противодействия в корпоративном

мире, BSA разжирел невероятно. Вышло так, что про–копирайтные лоббистские структуры могут требовать от законодателей чего угодно, вплоть до луны, солнца, звезд и квадратного эллипсоида; и все получат. Так, в Америке за нелицензионную копию программы, которая стоит 100 баксов, берут штраф в $150,000 (150 тысяч долларов); это на $25,000 больше, чем штраф за слив токсичных промышленных отходов в реки.

Майкрософт/БСА не гнушается вообще ничем. Типичный (и многократно повторяемый) эпизод из жизни BSA: некто анонимный звонит по специальному анонимному телефону и доносит, что дескать в такой–то американской школе установили с одной лицензией Microsoft Office на несколько сразу компутеров (типа, учителя постоянно получали от своего начальства письма с аттачментами в MS–Word, а денег на еще одну копию этого дела не было, школы в Америке такие же нищие, как и в России). Майкрософт грозит подать на школу в суд, и требует, чтобы местное роно совместно с BSA произвело аудит, с целью установить, нет ли в школах округа (числом 264) еще незаконных копий. Находит 400 копий (из них 200 это MS–DOS, продукт, который уже лет 15 не менялся и 7 лет как не поддерживается). Грозит школе штафом в 400 помножить на $150,000. В результате соглашается на штраф в $300,000, плюс 3 миллиона за выкуп школой всего нелицензированного софта (безбожно устарелого и вообще установленного, возможно, каким–нибудь хулиганом по ошибке), плюс полтора миллиона на поддержку антипиратских мер; и изображает из себя доброго дядю и чуть ли не благотворителя, подарившего школе 60 миллионов благотворительных долларов от широты души.

Последние несколько лет, BSA проводит повсеместно специальные добровольно–принудительные проверки, на предмет обнаружения пиратского софта; для чего рассылает во все не очень крупные компутерные компании (а также разным случайным людям: студентам, домохозяйкам и линуксовым сисадминам) угрожающие письма с требованием немедленно допустить аудиторов BSA, которые удостоверят их компании лицензионную чистоту. Если граждане не отвечают, им присылают еще более угрожающее письмо, требуя немедленного ответа, а иначе фирму внесут в Страшный Черный Список потенциальных пиратов.

Ситуация поистине кафкианская.

От аудитов никто не застрахован – кроме компаний–участников BSA. Стоят они страшно дорого (под полмиллиона долларов, даже для маленькой компании); и оплачивает их,

разумеется, никак не BSA. В теории, от аудита можно и отказаться; но на всякую хитрую жопу найдется х. с винтом. Любой, кто когда–либо заключал лицензионное соглашение с Microsoft (а это значит – любой, кто устанавливал у себя их софт; кнопочку «Accept» помните?) расписался (путем нажимания этой самой кнопочки) в том числе и что будет допускать к себе эти самые аудиты. Если он их таки не допустит, что ж, одно это уже есть нарушение лицензионного соглашения, а граждане нарушающие лицензионное соглашение уже по одному этому обстоятельству виновны в компьютерном пиратстве; так что сколько веревочке не виться, а все пиздец.

На будущее следует учесть, что легальные продукты Microsoft гораздо опаснее нелегальных.

По закону, каждая программа, установленная на диске, должна иметь бумажную документацию, удостоверяющую факт покупки; плюс, товарные чеки и счета от кредитной компании, если программа была куплена в кредит. А поскольку за годы работы на каждом компьютере скапливаются сотни неизвестно кем поставленных програм, аудит самой маленькой компании занимает несколько недель и требует сотен человекочасов напряженной работы; оплачиваемой, разумеется, самой фирмой (т.е. фирма платит и своим работникам, участвующим в аудите, и аудиторам тоже).

Службы наблюдения за копирайтом, подобные BSA, могут доставить любой компании и любому человеку массу неприятностей. Абсолютно чистых бизнесов не бывает; даже если начальство фирмы строжайшим образом следит за соблюдением лицензионной чистоты, никто не может помешать особо злому или просто сумасшедшему работнику установить на каком–нибудь компьютере в незаметном месте левую программу и стукнуть в BSA, по услужливо предоставленным анонимным линиям связи. Несколько лет назад в Москве BSA совместно с милицией был пороизведен рейд в помещениях одного мелкого провайдера; и несмотря на то, что провайдером использовался исключительно легально купленное обеспечение Sun – Solaris, граждане, проводившие обыск, таки нашли где–то в углу забытый неизвестно кем антикварный 486–й компутер с MS–DOS, лицензии на который за давностию лет ни у кого не было. Помещение было опечатано, а все компутеры вывезены для дальнейшей проверки. Подробностей не называю, поскольку ситуация достаточно типичная и подобные истории происходят ежегодно.

Анти–пиратские рейды превратились в идеальную полицейскую меру, стократ превосходящую и анти–

наркотические и налоговые. Возможно, есть где–то граждане, которые платят налоги и не употребляют; но на любом, наверное, компутере стоит хотя бы одна позабытая, поставленная детьми либо друзьями нелицензионная программа; либо лицензия была, но потерялась; либо и лицензия есть, а товарный чек давно уже выкинули. Не говоря уже о том, что поставить на **два** компутера программу по одной и той же лицензии – ровно такое же преступление, как и поставить на **одном** компутере эту же самую программу, приобретенную незаконно.

Интернет и копирайт

Технология ведет нас к сценарию, где капиталистический метод производства будет побежден и с течением времени заменен другим. В наших руках ростки будущих ролей, не признающие рыночных отношений.

«Mikhail», автор бразильской локализации Гнутеллы.

Поначалу (года этак до 1995–го) Интернет был некоммерческим. На ФТП, Гофер и впоследствии WWW–сайтах лежали те файлы, которые люди выложили для своего удовольствия. Экономика Интернета была, в чистейшем виде, экономикой потлача, обмена дарами; ко мнению многих антропологов, именно таково было экономическое устройство первобытного общества. Пользуясь Интернетом, каждый, по возможности, выкладывал у себя что–то хорошее; облагодетельствовавшие Интернет граждане пользовались почетом и уважением, связанным с качеством и количеством контента, который они поставили. Контент это информационный продукт.

Подобным образом устроены любые сетевые–сообщества, от Юзнета и FIDO до доисторических BBS. Коммерческие экономические структуры в Интернете нежизнеспособны; практика демонстрирует это от года к году. Интернет–структура окупается только в виде пирамидной схемы. До недавнего времени, самым распространенным примером подобной схемы была продажа акций. Очередной бессмысленный дот–ком объявлял о сотнях тысяч или миллионах посетителей, выпускал под этих посетителей акции, и ждал, когда акции поднимутся; поскольку у других дот–комов акции тоже поднимались, народ раскупал доткомовские акции подчистую; от этого акции росли, что давало очевидный доход дот–кому. Еще во времена BBS 1980–х повсюду, как зараза, распространялось известное письмо «MAKE MONEY FAST», в котором предлагалось отослать доллар автору письма, и затем размножить это письмо в количестве сотен экземпляров по всем вообще BBS и сайтам; от чего размножившему тоже придет счастье. Такие схемы на Интернете действительно процветают (и это объясняет поток спама, переполняющий ваши, читатель, почтовые ящики); но они, как и

дот–ком экономика, коммерцией в традиционном значении этого слова не являются.

Человек прагматический (а все американцы и все капиталисты – люди сугубо прагматические) при взгляде на любую вещь имеет две мысли: (а) каким образом эта штука может быть полезна и (б) а не навредит ли эта штука моему бизнесу. Когда в 1995 году, под вопли об информационном хайвее, на Интернет ринулись стада коммерческих дельцов–«бизнесменов», они не занимались исследованиями культуры или экономики сетевого сообщества. Подобно вандалам, захватившим античную постройку, «бизнесмены» (а) выдумывали способы, как бы им приспособить Интернет под свои модели хозяйствования и (б) преследовали традиционные для Интернета формы экономической и культурной жизни, если видели в них опасность для своих интересов. Поскольку подобные люди–«бизнесмены» видят опасность для своего стиля жизни во всем непонятном и незнакомом, а ознакомиться с Интернетом они труда себе не дали, Интернет представлялся им в виде сугубо загадочном и угрожающем – в виде бандитского логова с сокровищами или трущобы, заваленной золотыми слитками. Модель, для американского национального характера достаточно привычная; сначала вся Америка, а затем ее менее исследованные области представлялись американцам именно в таком виде – как нечто, нуждающееся в немедленном выеме сокровищ с последующей дезинфекцией, асфальтированием и превращением в шоппинг–молл.

Дот–комеры поступили, сравнительно с этой публикой, очень даже умно – они подстроились под уже существующую модель, в виде мэйк–мани–фаста, и сделали на ней колоссальные деньги; но это пришло сильно потом. У дот–комеров было руководство и идеология, именно журнал «Wired» и Global Business Network; а у традиционного бизнеса не было никакой четкой картины насчет того, зачем нужен Интернет, и нет до сих пор.

Голливуд, издательства и музыкальные корпорации не понимали, каким образом и зачем создаются некоммерческие сайты; они видели это как непонятный, но безусловно враждебый процесс, который невозможно контролировать. Ужас контент–корпораций перед тем, что скоро все их продукты окажутся в Интернете и они немедленно разорятся, был в большой степени неоправданным – даже и в конце 1990–х, когда пиратство в Интернете, благодаря Напстеру, расцвепо пышным цветом, заметного падения доходов у корпораций не произошло.

Но ужас этот был совершенно реален; и контент–корпорации стали лоббировать драконовские и противоречивые законы о

копирайте, которые в одночасье превратили большую часть интернетчиков в уголовников. На лоббирование конгрессменов и международных структур ушли сотни миллионов – возможно, больше, чем потеряли они на крахе дот–кома и на пиратстве.

Плодом этого лоббирования стал драконовский закон о копирайте – Digital Millennium Copyright Act.

Интернет–сайты убыточны, а большие Интернет–сайты просто–таки разорительны, в пропорции к их величине. Именно поэтому любой достаточно популярный Интернет–проект погибает, достигнув определенной популярности; его либо закрывают (как закрыли Дежа Ньюс), либо продают и перестают поддерживать (так произошло с каталогом Yahoo, который практически не обновлялся уже года три), либо он загибается сам из–за постоянных перепродаж из рук в руки и перебоев в работе (так было с Альтавистой).

Другими словами, успех Интернет–проекта пагубен ему в гораздо большей степени, чем неуспех.

Еще разительнее этот эффект в мире порно; не очень гадко сделанный и оригинальный порносайт немедленно гибнет, захлебываясь под грузом траффика; поэтому основное в искусстве содержателя порносайта – отвадить посетителей.

Я не шучу. Даже и те, кто не ходят на порносайт, много раз наверное читали о чудовищно уродливом и неудобном дизайне большинства порносайтов; это не преувеличение – даже и в сравнении с дизайном большинства коммерческих сайтов (который ужасен), порносайты отличаются дополнительной, избыточной уродливостью и вопиющим безвкусием.

Это не случайно. Мастера порнографического дела тщательно изучают свою аудиторию, с целью отсеять любого посетителя с мало–мальски заметными проблесками интеллекта – такой никогда не будет платить за платный доступ (благо ничего не стоит надыбать кучу паролей и убедиться, что на данном платном порносайте ничего хорошего нет – на платных сайтах вообще хорошего меньше, так это дело устроено). Последний писк порнографической моды довел эту тенденцию до логического предела. Запускается специальный скрипт, под названием circle jerk. 200–300 порнографов создают странички под этот скрипт, которые странички выглядят как нормальные сайты, но каждый линк ведет не на картинку (или чего на нем написано), а на какой–то другой из сайтов, на которых запущен этот скрипт. Желающий порнографии вместо этого бесконечно ходит по бессмысленным разноцветным страницам, каждая из которых завлекает его посмотреть красоток или секс с лошадьми, но вместа секса с лошадьми показывает следующий сайт,

призывающий к тому же самому. После 5–6 круга у несчастного наступает гарантированное размягчение мозгов и он идет платить деньги спонсору.

Бесплатные и не очень уродливые порносайты для подобной системы как нож острый; авторы таких сайтов рассматриваются как ублюдки и чуть ли не развратители населения. Порнографы время от времени собираются и принимают очередные стандарты, гарантирующие уродливость и бессмысленность сайта (увеличение числа кнопок и слепых линков, уменьшение числа страниц на сайте и числа картинок на каждой; увеличение площади, отданной под призывы посетить спонсора); с тем, чтобы всех нарушающих эти стандарты вебмастеров отлучать от баннеропоказов, спонсоров и прочих жизненных благ.

Подобная судьба ждет Интернет в целом, если народу будет чуть больше, а траффик не подешевеет: тогда популярность **любого** мало–мальски дельного сайта будет расти так, как сейчас растет популярность порносайтов; и придется затачивать под идиота не только порносайты, но и все вообще что бывает.

Спасением от этого видятся технологии peer–to–peer (с идеологической точки зрения, между прочим, идеально отвечающие ситуационистской доктрине). Скажем, вместо создания центрального сайта с фотографиями голой Мадонны, который на следующий день сдохнет, каждый выкладывает у себя одну–две фотографии голой Мадонны; и запускает программу обмена файлов, позволяющую каждому желающему скачать эту голую Мадонну с тысяч или десятков тысяч серверов. В такой системе все желающие видеть голую Мадонну находятся в равном положении, и (в соответствии с теорией Марселя Мосса о потлаче), любителей поделиться фотографиями голой Мадонны будет предостаточно.

Принципиальное свойство peer–to–peer – абсолютное равноправие; здесь нет сервера и миллионов роящихся вокруг него посетителей – каждый пользователь себе и сервер и посетитель. Подобным образом можно делать, например, форум (именно так был устроен Юзнет) и любой вообще проект. Роутинг (вычисление скорейшего расстояния для обмена пакетов данных между серверами) в Интернете осуществляется на базе peer–to–peer – именно таким образом Интернет был написан. Возможно, всем вообще Интернет–технологиям суждено умереть, кроме peer–to–peer.

Программ, осуществляющих peer–to–peer, написано очень много; самая известная называлась Напстер и позволяла обмениваться MP3–файлами любого содержания. В момент расцвета Напстера, среди работников музыкального бизнеса

(равно как и идиотов из около–компьютерного мира) бытовало убеждение, что peer–to–peer убьет корпорации; как бы не так – даже когда Напстер был в зените славы, продажи компактов не переставали расти и давать корпорациям фантастические прибыли.

Напстер запретили с диким скандалом, судом, адвокатами и иском в полмиллиарда долларов. В настоящий момент контент–корпорации пытаются раздавить и другие peer–to–peer системы, из которых самая известная называется Gnutella; существуют версии Гнутеллы для обмена фильмов, порнографией, пиратскими программами и кучей других вещей. Напстер имел центральный сервер, через который осуществлялся контроль за peer–to–peer, и был в общем коммерческой программой – его хозяин надеялся делать на Интернете деньги. Корпорации раздавили Напстер, доказав, что он помогает осуществлять обмен нелицензионным материалом – а способствовать такому обмену, по Digital Millennium Copyright Act (DMCA), есть действие нелегальное. Гнутелла (как явствует из ее названия) написана под лицензией GNU (Free Software Foundation), т.е. заведомо некоммерческая и децентрализованная; чтобы задавить ее, нужно начать преследования тех сотен тысяч людей, которые ей пользуются, запретить программу, либо запретить компьютеры. Поскольку первое очевидно абсурдно, корпорации следуют оставшимся двум рецептам.

По DMCA, можно запретить публикацию Гнутеллы и любых линков на нее; подобные меры прошли обкатку в суде (DeCSS), и их в скорейшем времени применят и в отношении других peer–to–peer.

Второй вариант, который существует в виде активно продвигаемого законопроекта, запретит использование компьютеров для целей, которые в принципе могли бы служить нарушению копирайта. А осуществляться этот запрет будет на аппаратном уровне, то есть в каждый компьютер будут встроены специальные предохранительные устройства; выпуск компьютеров без этих устройств будет уголовным преступлением. По сути это будет запретом на персональные компьютеры; по крайней мере Линукс в такой ситуации окажется нелегален.

А португалоязычная версия Гнутеллы, бытующая в Бразилии, называется «Comuna», и демонстрирует на себе портрет Ленина. Ее автор утверждает, что так и надо:

> Технология ведет нас к сценарию, где капиталистический метод производства будет побежден

и с течением времени заменен другим. В наших руках ростки будущих ролей, не признающие рыночных отношений.

Digital Millennium Copyright Act

За десятилетие 1990–2000, значение копирайта на территории Америки возросло стократно. Из достаточно абстрактного законодательства, регулирующего конфликты автора и издателя, копирайт превратился в набор строжайших уложений, регулирующих все аспекты творчества и бытия. Первый шаг к тому был сделан в 1984–м году, когда оказалось, что копирование статьи на ксероксе, для своего же собственного употребления – это нарушение копирайта. Свое полное и абсолютное воплощение эти тенденции нашли в DMCA – Digital Millennium Copyright Act.

До 1985–го, человек, купивший в магазине книжку или пластинку, мог сделать с ней ровным счетом что угодно, она была его и больше никого. Судебные решения против fair use лишили потребителя некоторой части этих возможностей: делать ксерокопию статьи, например. Впрочем, нарушение это было гражданское, а не уголовное, на практике это значило, что рисковал в худшем случае только наниматель нарушителя; и рисковал разве что штрафом и возмещением убытков. Путь, начатый процессом Geophysical Union vs. Texaco, был завершен DMCA – отныне покупатель программного продукта и любых вообще медиа может делать со своей покупкой ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПРЕДПИСАНО ЛИЦЕНЗИОННЫМ СОГЛАШЕНИЕМ. Любое другое употребление (от дизассемблирования, расшифровки секретных паролей и до прослушивания задом наперед с целью обнаружения секретных сообщений и призывов поклониться сатане) – технически нелегально и карается уголовным сроком, до 10 лет тюрьмы.

DMCA был результатом многолетних усилий двух лоббистских корпораций – RIAA и MPAA (Record Industry Association of America и Motion Picture Association of America). Количество денег, потраченное этими корпорациями на лоббирование (подкуп законодателей т.е.) оценивается в сотни миллионов долларов. Вредоносность и бессмысленность этого закона были достаточно очевидны; RIAA и MPAA продавили Digital Millennium Copyright Act через конгресс при посредстве контролируемых корпорациями мондиалистских структур WTO и WIPO (World Trade Organization и World Intellectual Property Organization), которые потребовали принятия аналогичного закона от всех стран – членов WTO.

DMCA стал законом 28 октября 1998 года, в результате достаточно странной (хотя и обычной в Конгрессе) процедуры,

которая называется «passing by acclamation». Был зачитан одобренный соответствующим комитетом законопроект, спикер спросил парламентеров, все ли за; затем все закричали; некоторые кричали «за», другие «против»; поскольку «за» кричали громче, закон прошел как принятый единогласно. Таковы американские нравы.

Помимо дальнейшей эрозии fair use, DMCA содержит несколько совершенно новых требований. Отныне запрещается разбирать текст купленной программы (то, что на техническом языке называется дизассемблировать: пытаться понять принципы, по которым она написана). Запрещается делать в программе любые изменения; и запрещается передавать информацию, позволяющую дизассемблировать программу либо делать в ней какие–то изменения. То же относится к любому другому тексту (фильму, музыкальной композиции), защищенному копирайтом. Все эти нарушения караются тюрьмой до 10 лет. Ставить линк на программу взлома либо дизассемблирования тоже нелегально и карается точно так же. Перевод файлов из формата, защищенного паролем, в любой другой (из запароленного .ZIP в GZIP, к примеру) тоже оказался нелегален. Выпущенная фирмой Адоб электронная версия «Алисы в стране чудес» содержит запрет копировать любые куски текста, распечатывать его, давать его почитать кому–либо, и даже **зачитывать купленную книгу вслух**; нарушение этого запрета являет собой уголовное преступление.

Пока тот или иной закон не прошел тестирования в суде, его вполне можно отменить как противоречащий конституции; такая судьба DMCA уже, видимо, не грозит. А вышло это так.

Формат DVD позволяет записывать на компакт–диске информацию в три раза плотнее, чем обыкновенный CD Audio протокол. Это делает возможным записывать и просматривать видео–фильмы с болванок, по виду не отличающихся от компакт–дисков. Чтобы не вышло как с компакт–дисками (которые используются кем угодно, в том числе и для нарушения копирайта) формат, в котором записываются DVD–фильмы, защищен специальной шифровательной программой, которая называется CSS (Content Scrambling System), которая является торговым секретом (это вроде патента, но в отличие от патента, торговый секрет не публикуется). Чтобы написать DVD–плэйер, требуется лицензия хозяев «торгового секрета»; из–за этого никаких DVD–плэйеров (по крайней мере, легальных) под Линуксом и прочими операционными системами (кроме Windows и Макинтошей) нет.

Особого смысла в этой шифровке нет; точнее, этот смысл

состоит в том, что (вместе с DMCA) CSS позволяет ограничивать распространение нелицензионного софта и железа для чтения DVD. Дело в том, что все DVD помечены зональным кодом, соответствующим одной из семи зон, в которой эти DVD произведены (например, Россия принадлежит к одной зоне с Африкой и Средней Азией). В легально (т.е. не в Китае) произведенных DVD–плэйерах стоит защита, позволяющая данному плэйеру играть только те диски, которые произведены в его родной зоне. Нужно это для того, чтобы официально выпущенный на диске в одной зоне фильм можно было бы не выпускать в другой зоне, а показывать в кинотеатрах (в которые, после выхода фильма на DVD, никто особенно не ходит). Предполагается, что алгоритм CSS служит для регулировки выпуска плэйеров, с целью защиты дисков от чтения в посторонних зонах. От **копирования** DVD эта система, что забавно, не защищает. Зато, до появления расшифровщика, из этих самых дисков DVD было невозможно получить эти же самые фильмы в открытом формате; или посмотреть их из–под Линукса.

Алгоритм CSS очень слаб и легко взламывается. Осенью 1999 года норвежский подросток Йон Йохансен, которому тогда было 15, выпустил программу под названием DeCSS; эта программа смотрела зашифрованный DVD и выдавала записанный на нем фильм в открытом формате MP2. Разумеется, программа была некоммерческая и с открытым исходником; DeCSS задумывался как средство, которое позволит смотреть DVD под Линуксом.

Приоритет в написании первого дескрамблера (расшифровщика) принадлежит хакеру по имени «Dod (Drink or Die) Speedripper», обнаружившему расшифровательный алгоритм в сентябре 1999, путем дизассемблирования программы Xing.

В настоящий момент написанны сотни различных версий DeCSS; ученый Carnegie Mellon University Дэйв Турецкий составил небольшую галерею разных версий DeCSS; в том числе красивая акустическая баллада на текст DeCSS, переведенный с языка C на английский специальной программой. Баллада сия, по причине ее противозаконности, была запрещена сервером mp3.com.

Дескрамблер занимает всего несколько строчек – например вот (на Перле)

```
#!/usr/bin/perl
# 472–byte qrpff, Keith Winstein and Marc Horowitz
# MPEG 2 PS VOB file –> descrambled output on stdout.
# usage: perl –I :::: qrpff
# where k1..k5 are the title key bytes in least to most–
```

```
significant order
    s"$/=\2048;while(<>)
{G=29;R=142;if((@a=unqT="C*»,_)[20]&48)
{D=89;_=unqb24,qT,@
    b=map{ord qB8,unqb8,qT,_^$a[—D]}@INC;s/...
$/1$&/;Q=unqV,qb25,_;H=73;O=$b[4]<<9
    |256|
$b[3];Q=Q>>8^(P=(E=255)&(Q>>12^Q>>4^Q/8^Q))<<17,
    ^S*8^S<<6))<<9,_=(map{U=_
%16orE^=R^=110&(S=(unqT,"\xb\ntd\xbz\x14d")
[_/16%8]);E
    ^=(72,@z=(64,72,G^=12*(U–2?0:S&17)),H^=_%64?
12:0,@z)[_%8]}(16..271))[_]^((D>>=8
    )+=P+(~F&E))for@a[128..$#a]}print+qT,@a}';s/
[D–HO–U_]/\$$&/g;s/q/pack+/g;eval
```

Все эти вещи страшно нелегальны; не только публикация кода (см. выше) нелегальна, но даже и публикация линка к нему нелегальна и карается, в теории, сроком до 10 лет.

Если я поеду в США, меня могут прямо там за это дело арестовать; могут арестовать и того безумца, который это дело опубликует. В принципе сие длинное исследование мною готовится по заказу редактора отдела «Нет Культуры» так называемого «Русского Журнала»; но что–то мне говорит, что «Русскому Журналу», несмотря на всю его предполагаемую русскость и журнальность, оно не подойдет. В противном случае, господ Лейбова и Павловского, буде они окажутся в Америке, ожидает по моей милости та же судьба, что президента Союза России и Белоруссии Павла Бородина. Вот какую свинью я хочу им подложить!

Именно по такой статье в Америке арестовали русского программиста Дмитрия Склярова. Работая в конторе Элкомсофт, Скляров участвовал в написании взломщика паролей для неприличного изделия Adobe E–book (самым популярным адобским ебуком, между прочим, была та самая «Алиса в стране чудес», которую запрещалось зачитывать вслух) Поскольку этот (нелегальный по DMCA) софт продавался на территории Америки, Склярова, как только он приехал в Америку, посадили и пытались судить, несмотря на безумные вопли мировых и американских правозащитников. Недавно, правда, отпустили, поскольку решили вместо него судить контору Элкомсофт.

Контора же эта торгует в основном программным обеспечением для спаммеров (они продают одну из самых злобных спаммерских программ, Advanced Direct Remailer, вместе

с целым спектром разнообразных программ для выкачивания адресов с WWW–сайтов, сканирования удаленных серверов и тому подобной мерзости). Помимо этого, Элкомсофт прославился следующими удивительными вещами:

• Тем, что закрывал, с адвокатами и ментами, FTP–сайты, где крякеры выкладывали регистрационные пароли к их спаммерским программам; ни одна другая программистская контора в России до подобной низости, кажется, не опускалась. Иначе говоря, Элкомсофт вел себя по отношению к хакерским сайтам ровно так же, как ФБР повело себя по отношению к нему; с той лишь разницей, что у ФБР работа такая, а начальство Элкомсофта стучало на хакеров исключительно из жадности и прирожденной подлости.

• Тем, что на сайте Элкомсофта стоял географический IP–определитель; и всех любопытных с IP–номером из России Элкомсофт отфутболивал, кажется, на рамблер.ру. Президент Элкомсофта А.Каталов объяснял это тем, что русские все равно ничего не покупают, а только воруют.

На мэйлинг–листах, форумах и сайтах в защиту Склярова все эти вещи тактично замалчиваются, хотя многим и известны; либеральная цензура в действии. Обвинители могли бы, в принципе говоря, всю (стоившую миллионы) пиарную кампанию в защиту Склярова разметать по щепочкам, обвинив его в спаммерстве и в борьбе с крякерами – в кругах, где принято защищать жертв DMCA, таких людей активно не любят; но не стали, поскольку борцы за копирайт не видят ни в том, ни в другом ничего предосудительного.

Официальное заявление Элкомсофта по поводу ареста Склярова звучит именно так: «не разглядели социально близкого, чего ж вы братцы по своим–то бьете»...

> ...Принимая во внимание наше долгосрочное сотрудничество с компетентными органами, приверженность электронному праву и всем известное противодействие компьютерному пиратству, судебное обвинение в якобы нарушении DMCA звучит иронией...

Звучит иронией. Действительно свои, и чего не поделили, непонятно.

Вот сколько бывает у людей трудностей, когда они друг друга не понимают.

В январе 2000 года на дом, где жил Йон Йохансен, был совершен рейд – 20 человек полицейских в полном вооружении

конфисковали все компьютеры в доме и арестовали подростка. Против него (по представлению норвежского отделения Motion Pictures Association of America) было возбуждено уголовное дело. Суд состоится этим летом (2002), и если его признают виновным, несчастному грозит два года тюрьмы.

В Америке, распространение и помещение линков на DeCSS преследовалось начиная с ноября 1999; но по–серьезному судопроизводство началось только в декабре. В качестве первой и показательной жертвы был избран редактор журнала «2600: The Hacker Quarterly» по имени Эммануэль Гольдштейн (в «1984» так звали Троцкого), он же Эрик Корли, опубликовавший (в числе десятков тысяч других гражданski озабоченных) этот самый код у себя в журнале и на сайте. В качестве обвинительной стороны выступала MPAA (Motion Pictures Association of America). Суд и последовавшие за ним аппеляции длились два года, но к концу 2001 стало понятно, что MPAA выиграло дело вчистую.

По решению суда, Гольдштейн должен убрать со своего сайта текст программы и все линки DeCSS.

Война за сайентологию

Дело вокруг DeCSS – далеко не первый случай, когда аргументами копирайта решаются чисто цензурные вопросы. Одной из первых к этому прибегла в начале 1990–х «Церковь Сайентологии», такая, как принятно считать, мошенническая организация, прикрывающаяся с целью отъема денег сомнительным пост–теософским мистицизмом в духе Кастанеды и Даниила Андреева; типа, тоталитарная секта; организованная редкостно бездарным научным фантастом Л. Роном Хаббардом.

Изумительная деталь из жизни нашей «демократической элиты». Бессменный со времен чуть ли не хрущевских декан журфака Ясен Засурский (лауреат ордена Трудового Красного Знамени, ордена Знак Почета (дважды) и медалей, профессор, доктор филологических наук, Председатель Комиссии по лицензированию радио– и телечастот) в 1991–м году присвоил Хаббарду посмертно докторскую степень Московского Университета, по литературе. Сам Засурский стал доктором сайентологии, и издал указ следующего удивительного содержания:

> ...Поскольку Л. Рон Хаббард является одним из наиболее известных и читаемых авторов всех времен, а тираж его книг превышает 100 млн. экз. в 19 странах на 31 языке мира и,
>
> Поскольку Л. Рон Хаббард является одним из наиболее известных в мире гуманистов и философов и написал бесценные работы, которые освобождают человека от уз рабства и помогают ему обрести счастье и лучшую жизнь и,
>
> Поскольку эти работы в настоящее время издаются в Российской Федерации для всех ее граждан,
>
> Поэтому я, Ясен Николаевич Засурский, декан факультета журналистики МГУ, заведующий кафедрой зарубежной печати и литературы., настоящим заверяю следующее:
>
> 1. Что 13 марта 1992 г. будет днем Л. Рон Хаббарда на факультете журналистики;
>
> 2. Что зал МГУ будет выделен и предназначен для работ Л. Рон Хаббарда, где студенты Российской Федерации смогут свободно изучать выдающиеся работы. Л. Рон Хаббарда;
>
> 3. Что этот зал будет доступен для наблюдателей с

целью обучения выдающимся трудам Л. Рон Хаббарда;

4. Что этот зал будет назван «Зал Л. Рона Хаббарда МГУ».

Собственноручно (подпись) Я. Н. Засурский, декан факультета журналистики МГУ.

С самого начала 1990–х, сайентологи видели в Интернете отличное место для пропаганды и охмурения; вышли указания, для прихожан церкви, посещать Юзнет и вести церковную пропаганду. Выглядело это достаточно жалко, неуклюже и смехотворно. «Церковь Сайентологии» и ненавистники ее из числа бывших сайентологов совместно превратили сайентологию в нечто комическое и одновременно омерзительное.

Как происходит со многими тоталитарными сектами, иногда случается, что прихожане покидают лоно церкви и объявляют церковную деятельность мошенничеством и вымогательством. Обыкновенно эти люди оказываются в других сектах, ничуть не менее тоталитарных, чем первоначальные. Забавно, что общества по борьбе против тоталитарных сект по характеру и структуре сами устроены как тоталитарная секта.

Люди, которые противостоят сайентологии, называются «подавляющими личностями» (suppressive person). Сайентологией на этот случай давно уже разработана специальная методика, основанная на физических угрозах, ограблениях, доносах и деморализации диссидента через постоянное судебное сутяжничество.

Церковь Сайентологии занялась тем же самым в отношении разных деятелей Юзнета; жалобами по месту работы, попытками закрыть аккаунт, сутяжничеством. Поскольку к тому моменту fair use был в значительной мере вытеснен, сайентология объявляла любой критический текст в свой собственный адрес нарушением копирайта, и тягала диссидента в суд, пока тот не офигеет и не исчезнет куда–нибудь с глаз долой. Судебные процессы основывались не на разногласиях, но на использовании тех или иных трэйдмарок (а Сайентология зарегистрировала в качестве трэйдмарки вообще все; слова «Source» и «Purification» например) либо «торговых секретах» (trade secrets это достаточно невнятная глава интеллектуальной собственности, пользующаяся защитой от незаконного разглашения). Суды эти, разумеется, гроша выеденного не стоили, но любой процесс требует адвокатов, т.е. денег; Сайентологии было их не жалко, а ее оппонентам, кроме совсем упертых – жалко.

Впрочем, определенный полицейский успех сайентологи таки имели; по обвинению в нарушении копирайта, они сделали

(вместе с шерифами и сайтнрологами из ФБР) несколько обысков в домах известных сетевиков оппонентов сайентологии; и конфисковали все компутеры, в качестве следственных материалов. Самое забавное то, что нарушитель копирайта нарушил его путем воспроизводства судебного решения по обвинению сайентологии в каких–то очередных безобразиях, грабежах и вымогательствах. Судебное решение находилось в свободном доступе от суда. Сайентологи утверждали, что хоть оно и доступно каждому, но тем не менее его публикация является нарушением копирайта; и на этом основании конфисковали аппаратуру, с помощью ментов.

Эта практика восстановила против Сайентологии огромное количество сетевиков, которым вообще–то что одна тоталитарная секта, что другая – все едино; тем более что сайентологические догмы стилистически не отличаются от бульварной фантастики а ля Стар Трек – явления в сетевых массах культового и почитаемого. К середине 1990–х, Церковь Сайентологии записала в suppressive persons весь Юзнет, и попыталась закрыть alt.religion.scientology, регулярно подделывая системные сообщения о закрытии группы (однако у нее копирайт на это слово, да)? Трэйдмарк тоже.

Это не вышло, и тогда Церковь Сайентологии раздала всем своим прихожанам фильтр, который вырезал из страниц и е–мэйла все слова, относящиеся к сайентологии и ее критикам, а также буквосочетание SP (сокращение от Suppressive Person). Одновременно с этим, прихожанам были выдана программа для сочинения своего собственного сайта; и каждый сочинил себе по сайту из пяти страниц следующего содержания: Поддержим религиозную терпимость – Обо мне – Мои успехи в Сайентологии – Любимая цитата из Л. Рона Хаббарда – Группы, которые я поддерживаю – Любимые линки. Все страницы сгенерированы автоматически, и от этого достаточно однообразны, а все линки указывают на сайентологию.

Аналогичная практика была применена к Юзнету. Сайентологи под завязку забили alt.religion.scientology бесконечными однообразными сообщениями из цитат из трудов Хаббарда и прочих пропагандистских материалов о любви, свободе, терпимости и сайентологии; Сайентологи умело маскировались против килл–файлов (системы фильтрации, настраиваемой каждым пользователем на свой лад), и сделали alt.religion.scientology совершенно нечитабельной.

На всякую хитрую жопу найдется х. с винтом – противники сайентологии довольно быстро придумали, что делать. Отныне все статьи анти–сайентологического содержания имели в

заголовке слово Xenu; это имя какого–то верховного клингона в сайентологической мифологии, и произносить (даже читать) это слово рядовым сайентологам – никак нельзя; они могут от этого даже умереть.

Килл–файлы были настроены таким образом, что статьи без слова Xenu немедленно отфильтровывались, и статус–кво было отчасти восстановлено. Впрочем, на слово Xenu у сайентологов был трэйдмарк, так что упоминание его в статье, технически говоря, нелегально; за сим последовала новая волна судебных исков, жалоб на работу и тому подобного выкручивания рук честной публики.

Не говоря уже о том, что (за потоком спамных сообщений от сайентологов) ни один новичок не мог разобраться в чем дело. Настройка килл–файлов вообще занятие достаточно нетривиальное и требует технической грамотности, знакомства с языком регулярных выражений и прочих компьютерных премудростей.

В 1996 году, шведский сетевик Зенон Паноуссис придумал невероятно остроумный способ борьбы с сайентологической цензурой. Когда он выложил какие–то анти–сайентологические материалы у себя на странице, Церковь Сайентологии (как обычно) нажаловалась его провайдеру на нарушение копирайта, защиту торговых марок и потребовала немедленного закрытия сайта, что и воспоследовало. Паноуссис распечатал все документы и отнес получившийся пакет в шведский парламент, вместе с обращением о свободе слова. По шведским законам, эти документы поступили в публичный доступ и (за символическую плату) парламентские службы высылали их копию всем желающим. Сайентологи долго пытались эти документы из парламента изъять законным путем, но не смогли и в конце концов украли.

«Интернет видит цензуру как повреждение, и устраивает роутинг вокруг нее», сказал заслуженный хакер (и большой любитель SMTP–хостов с открытым релэем) Джон Гилмор. Интернет–поклонника Сайентологии, напротив, состоит из одной только цензуры.

Или Сеть поймет, что копирайт это *и есть* цензура – или Сеть превратится в одну сплошную сайентологию.

Глобализм и копирайт
Покемоны, EUCD и Гаагская Конвенция

Я считаю, что есть природные права, природные в том смысле, что люди наделены ими независимо от мнения государства. Свобода слова – хороший пример; я думаю, что люди наделены свободой слова, а цензура это плохо. ...Я также считаю, что свобода делиться программами и другой опубликованной информацией – это природное право.

Существуют также искусственные права, права, источником которых государство. Я согласен с американской судебной системой в том отношении, что копирайт – искусственное право, а не природное. Можно принять какую–то ограниченную форму копирайта на определенные работы, но это соглашение делается в интересах публики, а не в качестве неотъемлемого права авторов и компаний менеджмента авторских прав.

Сегодня в интересах публики – чтобы компьютеры использовались для обмена копиями.

(Ричард Столлман, интервью сайту Слэшдот).

Вне Америки, ситуация с копирайтами, пожалуй, еще хуже. Казалось бы, DMCA служит только экспортеру интеллектуальной собственности, а стране, которая ее по преимуществу импортирует, гораздо выгоднее более либеральные версии копирайтного уложения (или просто никаких копирайтов – полный fair use по образцу Free Software Foundation). В Америке, напомню, в XIX веке копирайты на иностранные работы не действовали вообще – Конгресс решил, что выплачивать деньги иностранцам Америке не выгодно, и все.

Так–то оно конечно так, но копирайты необходимы и национальным корпорациям, отвечающим за перепродажу интеллектуальной собственности в стране, занимающейся ее этой интеллектуальной собственности импортом (в России например). Если вопрос о копирайте не урегулирован, установить монополию не удастся и оптовые цены на продукт упадут до цен на болванки и пустые кассеты (плюс, возможно, 50–100 процентов). Оптовая цена на пиратский компакт–диск в России сейчас в районе доллара; если печатать компакты большим тиражом, они обходится центов в 40 штучка, плюс 20 центов упаковка и еще 5–10 центов обложка; другими словами, в России производитель пиратской продукции имеет с нее 20–30% дохода. Из рынка с таким уровнем цен гораздо труднее извлечь существенную прибыль, чем в ситуации, когда монопольный правообладатель продает тот же самый компакт легально оптом по 3–4 доллара, даже если половину прибыли ему приходится отдавать Биллу Гэйтсу. В России, например, далеко не все лоббирование анти–пиратских мер ведется на деньги, выплаченные американцами; достаточно много национальных корпораций занимаются тем же самым в собственных интересах.

Введение ограничений на fair use, особенно на использование художниками тех или иных культурных реалий, ведет к полной культурной монополии и доминации «богатого Запада» над бедным Югом. В человеческой культуре, голос стран третьего мира и так достаточно незаметен; бедным хватает чем заниматься и помимо культуры. Третий мир лишен голоса, он пользуется культурным продуктом Запада, ничего – или почти ничего – не производя. В результате реформы копирайта по образцу DMCA, эта ситуация будет закреплена на легальном уровне. Художественная практика в странах третьего мира окажется вне закона.

Реалии, из которых составлено бытие любого человека (на Западе или нет) – реалии глобальные: «Макдональдс», «Кока–Кола», Бритни Спирс, покемоны. На любом перекрестке в самой дикой стране висит реклама «Мальборо», за углом стоит «Макдональдс», по соседству продают телевизоры, из телевизоров вещает Бритни Спирс, рядом детишки играют с покемонами – культурные и географические различия нивелированы почти целиком. Если художественная практика не будет отражать реальности (которая составлена из «Мальборо» и «Кока–Колы»), это будет не художественная практика, а дерьмо собачье. Копирайт и торговые марки защищают культурные реалии от цитирования, если не платить отступных. В странах третьего мира нет своей собственной контент–индустрии, так что платить

отступные некому; а денег эти отступные будут стоить столько, что даже если и было можно кому–то заплатить, никогда все равно столько денег не наберешь. Культура становится в прямую связь от финансового ресурса, выраженного в долларах. И поскольку чем дальше, тем большая часть ресурсов и долларов уходит на поддержание этой самой контент–индустрии, страны третьего мира беднеют и беднеют, а страны и без того богатые богатеют и богатеют, и с каждым лишним долларом присваивают себе прерогативу говорить от лица всего человечества и всей человеческой культуры – поставив культуру других стран и других рас вне закона.

Вот например, наши дорогие детишки интересуются покемонами; покемоны давно стали частью подростковой реальности. Ситуация достаточно типичная; со времен рыцарских романов и сказочных историй об Александре Македонском, национальная культура трансформировала и ассимилировала иностранные влияния, превращая их в часть своего собственного багажа; становясь сильнее. Культура, которая не в состоянии дать адекватный ответ на подобный вызов – должна умереть и умрет. Ответом на увлечение покемонами может быть лишь ассимиляция покемонов в национальный культурный контекст; или наша культура умрет, или мы покемонов ассимилируем, вслед за героической поэзией, романами, теософией и марксизмом.

России нужна русификация покемонов (всего вообще, но в частности покемонов). Наша культура может быть спасена, если самоотверженный и гениальный писатель и не менее гениальный художник–покемоновед покусится на нехитрые бабки, которые такой проект должен принести; и нарисует наших национальных покемонов, снабдив их соответствующими подписями.

Корпорация, которая разведение покемонов в России контролирует, обладая соответствующими копирайтами и трэйдмарками ничем таким озаботиться не в состоянии и не будет; корпорации и гений вещи, как известно, несовместные. Сохранение русской культуры однако совершенно не в ее интересах – если русские будут частью одной и той же однородной интернациональной массы, им гораздо легче будет скармливать очередных покемонов, телепузиков или Бритни Спирс. Зато можно предугадать реакцию этой корпорации, буде кто–то самоотверженный и гениальный займется национальными покемонами. Весьма легко предугадать: этому самоотверженному и гениальному некту настанет пиздец.

История сия далеко не умозрительная. Примерно год назад популярный сетевой писатель А.Н. Житинский решил порадовать

свою дочку Настю и заодно заработать немного бабок; для каковой цели скачал с сети картинки с покемонами и (не будучи в состоянии прочесть что на них написано) сочинил интересные подписи; не менее культовый автор и художник Дмитрий Горчев этих покемонов красочно (и гораздо лучше, чем в оригинале) нарисовал, заодно уже изобретя несколько собственных.

Первая книжка «Энциклопедии Покемонов» была таки–напечатана, с умопомрачительной красоты полноцветными иллюстрациями. Враги России пригрозили Житинскому судом, и книга была немедленно изъята из печати, на чем заинтересованные лица потеряли десятки тысяч условных единиц – гораздо больше, чем собирались заработать.

Причем и Житинский и Горчев – не какие–то случайные хрены с горы; книжка их, только лишь быв написана этими без преувеличения классиками в своем жанре, обещала стать вехой развития русской литературы, культуры, социальной и духовной жизни. Житинский – молодежный писатель со стажем лет в 30; его удивительным романом «Потерянный дом, или разговор с милордом» зачитывались в конце 1980–х все сколько–нибудь осмысленные подростки старшего школьного возраста. Лично я уверен, что не изучив этого романа внимательно и несколько раз, невозможно понять ничего вообще. Это как не читать «Муми–Тролля», Стругацких и «Серебряный Герб» Чуковского.

Дмитрий Горчев, будучи лет 30–ти, не имеет присущих автору советской формации писательских причиндалов, и вообще живет в основном в Интернете; но по результатом всевозможных опросов является сетевой публикой наилюбимейшим. Что и неудивительно – писательский дневник Горчева чтение столь же беспредельно фантастическое, сколь занимательное; наполовину «Дьяволиада, повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя», наполовину дневники то ли Розанова, то ли второстепенного персонажа «Москвы–Петушков». Иллюстраторское мастерство Горчева (непревзойденное, на мой взгляд) говорит само за себя – посмотрите вот «Энциклопедию Покемонов». [см. сноску]

Не первый наверное случай, когда книга, грозившая стать прижизненной классикой, была зарублена цензурой; но случай тем более вопиющий, что книга – русская, а цензура – совершенно нерусская. Оккупационное правительство, говорите? Не иначе как.

А случилась эта национальная, с позволения сказать, трагедия осенью 2001 года.

Вот таким образом иностранные державы осуществляют в России культурный империализм.

Даже в странах, где мультимиллионной индустрии перепродажи контента нет, действуют иностранные лоббистские организации (BSA и его аналоги), тратящие сотни тысяч условных единиц на подкуп («лоббирование») законодателей; поскольку в этих странах на такие деньги можно купить весь парламент с кабинетом министров впридачу, драконовские анти–пиратские законы принимаются и здесь (конечно, если взятки по дороге из Америки к парламентерам не разворует кто–то третий). Так, в Белоруссии приняли пакет документов, аналогичный DMCA; я сильно сомневаюсь, что кто–то из голосовавших за данный пакет вообще смотрел, за что он голосует. Конечно, эти законы исполнять никто не собирается; но глупо надеяться, что бедные страны вроде Белоруссии станут убежищем хакера, пирата и информационного террориста. Законная база к пресечению медиа–активизма есть и там, а что эти законы никто не применяет – а вы видели медиа–активизм на Береге Слоновой Кости? Я не видел.

Лоббирование мер, аналогичных DMCA, по сути ничем не отличается от подкупа бандитов, милиции и законодателей с целью вывоза за бесценок природных ресурсов и захвата внутренних рынков. В XIX веке европейские державы вели в Китае войны за беспошлинную продажу опиума китайцам, который у англичан выращивался в Индии и был в избытке. Оказалось, что подкуп трех ветвей власти (бандитов, ментов и законодателей) гораздо эффективнее, чем военная интервенция, и приводит к тому же результату быстрее и проще. Это и называется оккупационное правительство.

Между прочим, экономическая оккупация не является прерогативой стран третьего мира – тот же самый механизм работает повсеместно. Когда американцы называют Вашингтон «сионистским оккупационным правительством» (ZOG), израильтяне обвиняют американцев, арабов и нефтяных бонз в оккупации и саботаже Эрец Израэль, а саудовские арабы занимаются террором против американских оккупантов, устроивших в Аравии военные базы, и те и другие и третьи говорят об одном и том же. В настоящий момент оккупированной территорией является – весь мир.

Европейская Директива По Копирайту (EUCD) и Гаагская Конвенция

Во многих европейских странах принят аналог DMCA, или даже более жесткие версии его. Но это еще не предел – под давлением WIPO (World Intellectual Property Organization) 14 февраля 2001 года была одобрена директива EUCD (European Copyright Directive). В странах–участницах ЕС этот закон будет задействован к середине 2003 года. EUCD, который аналогичен DMCA, будет действовать по всему Европейскому Сообществу; но написан он (в отличие от сляпанного на коленке и противоречивого, рассчитанного на прецедентную легальную систему DMCA) гораздо более рационально; римское право все–таки. Впервые в легальной практике вводится понятие «rights–management information (RMI)»; отныне хозяин копирайта может полностью контролировать, каким образом используется лицензионный продукт. Принятие подобного (беспрецедентного в юридической практике) закона значит конец концепции fair use не только на практике, но и в теории.

Разумеется, если какой–то продукт *может быть* использован, чтобы нарушать условия «rights–management information», этот продукт также оказывается нелегальным (такая статья есть и в DMCA и в любом из законов, продавливаемых WIPO начиная с середины 1990–х). Сообщение информации о подобных средствах нелегально тоже. В принципе, это дает юридическую базу к **запрещению практически любого устройства**: от Линукса до программ, зачитывающих файлы для слепых и до обыкновенных очков.

Где–то с год назад нашли способ делать музыкальные компакт–диски, которые не считываются компьютерными CD–ROM драйвами. Разумеется, такие компакт–диски делаются в обход опубликованного стандарта, и не читаются также и на многих сиди–плэйерах. Нужно это для того, чтобы люди не могли эти компакты копировать или выкладывать в Интернет. BMG выпустипа в этом формате последний альбом Натальи Имбруглии, но народ был до такой степени недоволен, что его довольно быстро отозвали и заменили нормальными. Впрочем, корпорации которые поменьше используют эту технологию для разных малотиражных продуктов и ничего.

В соответствии с EUCD, написание программ, позволяющих на компьютере читать такие сломанные компакт–диски, окажется нелегальным; также запретят всевозможные peer–to–peer

программы, от Гнутеллы и до Напстера.

Еще более мрачной инициативой является Hague Convention, Гаагская Конвенция по частному интернациональному закону. В настоящий момент, Гаагская Конвенция – это система достаточно безобидных и даже полезных соглашений, позволяющих согласовать незначительные юридические вопросы на территории разных стран; скажем, использовать в России свидетельство о рождении ребенка в Англии или Америке. Но готовится новый закон, который позволит согласовать не только свидетельства о рождении, но также законодательства об оскорблении и об интеллектуальной собственности. На практике, это будет значить, что любой закон об интеллектуальной собственности либо оскорблениях, принятый одним из государств, будет иметь силу на территории других государств. А поскольку юрисдикция суда одной страны будет распространяться на все остальные, из всех законов будет действовать наиболее людоедский.

А нужно это прежде всего Франции и Германии, для борьбы с сайтами неонацистов.

К Гаагской Конвенции принадлежит 51 держава; европейские государства, США, Россия, Китай, и всякие экзотические страны, типа Северной Кореи, Эстонии, Морокко, Турции и Уругвая.

Копирайт против компьютера

Линукс это раковая опухоль, прилепляющаяся, в смысле интеллектуальной собственности, ко всему, к чему она прикасается.

Стив Балмер, исполнительный директор Майкрософт.

Контент–корпорации – а это те, кто заказывает музыку в антипиратском рэкете – никогда не любили компутеров. И корпорациям и хакерам и даже Биллу Гэйтсу компутеры виделись как сила, способная сделать человека из толпы самостоятельным; позволить ему говорить о себе с себе подобными, а не сидеть тупо у ящика, наблюдая, как какие–то шишки из Голливуда и корпораций масс–медиа бессмысленно обсуждают то, что интересно им, а не ему.

Компутеры как сила, которая сделает масс–медиа, Голливуд, музыкальный корпоративный бизнес таким же анахронизмом, как типография с наборщиками и линотипом во времена desktop publishing. И хакерам и даже отчасти Биллу Гэйтсу эта перспектива казалась отрадной; а Голливуду она была – как нож острый.

Если люди будут общаться в чате, кто тогда станет смотреть мыльные оперы? Когда сотни безумцев и красивых девочек со страстью к эксгибиционизму поставят у себя дома круглосуточные веб–камеры на радость публике – куда денется шоу «Большой Брат», оно же «За стеклом»? Иррациональный страх контент–корпораций перед Интернетом не связан с пиратством; он связан с тем, что Интернет вытеснит их из их ниши – ниши исключительно *посреднической*.

Корпорации *не нужен* компьютер, корпорация *боится* компьютера. Корпорация готова вкладывать миллионы в неокупающиеся игровые приставки и домашние кинотеатры – которые еще крепче привяжут клиента к *контенту*. Интернет сделает этот самый контент и сами корпорации совершенно ненужным. Если все музыканты заведут себе по сайту и будут с этих сайтов продавать свою музыку (да хоть и бесплатно раздавать) – артисты ничуть не обнищают, а корпорации станут не нужны.

Кампания против Напстера, DeCSS, Гнутеллы – это не

кампания против Напстера, DeCSS и прочего – ну не могут ровным счетом никак навредить корпорации Напстер, DeCSS и Гнутелла; все эти вещи, скорее всего, корпорации просто–таки *полезны*. Скажем, если бы под Линуксом не работали бы DVD–проигрыватели – стали бы их покупать линуксоиды? Конечно, не стали бы. Насчет полезности Напстера для всех присутствующих (даже и корпораций) достаточно подробно излагает Кортни Лав, вдова Курта Кобэйна. И правда полезен – а корпорации *не полезны* никому, кроме самих себя.

Корпорации воюют с Интернетом по той же самой причине, по которой хакеры в него влюблены. Интернет освобождает тебя, меня, каждого. От кого? От контент–корпораций, рекламщиков, масс–медиа – тех, кто является «князем мира сего»: автором и держателем копирайта на язык, реальность и современный мир.

Бум доткома был на самом деле хитрым заговором, призванным, путем вбивания сотен миллионов долларов в наидебильнейшие проекты, превратить Интернет в контролируемый, аддиктивный и абсолютно бессодержательный медиум для оглупления публики – нечестивую помесь ток–шоу, мыльных опер и магазина на диване. Этот заговор не удался, и Интернет (а заодно уж и персональные компьютеры) решено ликвидировать; в полном соответствии с кошмарной антиутопией Ричарда Столлмана.

Начало этому положено DMCA. Производители компутерного железа зачастую не сообщают его спецификации никому, кроме монополистов из Майкрософт и их партнеров. В сообществе GNU и Линукса производителей подобных устройств принято (в меру сил и возможностей) бойкотировать, но в принципе эта проблема решается способом хотя и трудоемким, но в принципе достаточно элементарным – программист дизассемблирует код проприетарного драйвера под Windows, узнает, как он работает, и пишет свою программу, которая делает то же самое. DMCA и EUCD объявили дизассемблирование преступлением. Этот запрет, бессмысленный и ни на чем ни основанный, лежит в том же русле, что «война с наркотиками» и безумное европейское цензурное законодательство против свастик и исторического ревизионизма. Другими словами, этот запрет лежит в магистральном русле западной политической культуры; но производителям свободных программ от этого не легче – их деятельность в одночасье стала противозаконной.

Борьба с копированием грозит превратиться в продолжение «войны с наркотиками», столь же абсурдное и безнадежное. Единственное решение этой проблемы – модифицировать компьютеры таким образом, чтобы нарушение копирайтов

(дизассемблированое, вскрытие паролей, обмен peer–to–peer) стало физически невозможно; сделав из компьютера игровую приставку под Майкрософт Оффис с Виндовсом. И к этому все идет.

Та же самая масс–медийная кампания, которая отождествляет компьютерное пиратство и международный терроризм, отождествляет Линукс с вирусом, раком, пиратством и коммунизмом. После того, как тождество Линукса и рака официально установлено, интересы линуксоидов учитываются не больше, чем интересы компутерных пиратов, террористов и разносчиков заболевания рака.

Первый шаг в сторону установления аппаратной защиты копирайта был сделан в декабре 2000 года; эта инициатива называлась CPRM – Content Protection for Removable Media. Крупные железячные компании – Интел, IBM, Мацушита и Тошиба – разработали механизм, который (при условии его повсеместного распространения) запретит считывание защищенной копирайтом информации с хард–диска и других носителей. Технология эта была изобретена по следам (и по аналогии) с CSS – аппаратной защитой содержания DVD–дисков, разработанной теми же компаниями.

Предполагалось, что все содержание диска будет отныне защищено непробиваемым криптографическим алгоритмом, а доступ к этому алгоритму будет только у лицензированных программ. Дизассемблирование лицензированных программ легко предотвратить, поселив их на том же самом зашифрованном диске. В результате, содержимое диска будет недоступно его владельцу, или доступно только при выполнении определенных условий (скажем, можно потребовать оплаты каждого обращения к диску – эта схема, отчасти реализованная в новейших продуктах Microsoft, называется pay–per–view). О Линуксе и вообще программах с открытым исходным кодом говорить здесь не приходится – наличие таких программ сделает всю систему абсолютно бессмысленной.

Разумеется, никто в здравом уме ставить у себя такую штуку не будет. Идея состояла в том, что будут приняты законы, которые запретят (или по крайней мере серьезно затруднят) производство носителей, которые не поддерживают CPRM; тем самым выведя нормальные хард–диски из обихода. Подобным образом в середине 1980–х были де–факто запрещены DAT–магнитофоны, как устройства, которые могут быть использованы в целях нарушения копирайта (на эти самые магнитофоны был положен налог в несколько сотен долларов, которые выплачивались в пользу крупнейших издательских корпораций).

Инициатива эта с треском провалилась. На трупе CPRM вырос гораздо более успешный проект – SSSCA, Security Systems Standards and Certification Act; сейчас считается, что CPRM был чем–то вроде прощупывания почвы, заведомо проигрышного гамбита с целью выяснить реакцию населения на подобные меры.

Реакция была выяснена и найдена приемлемой. В августе 2001 года, сенаторы Холлинз и Стевенс (оба щедро проплачиваемые Голливудом и контент–корпорациями) предложили проект нового закона, Security Systems Standards and Certification Act. Закон этот гласит: «*Незаконно производить, импортировать, предлагать публике и любым образом распространять любое интерактивное числовое устройство, которое не использует встроенные сертифицированные DRM (Digital Rights Management) защитные технологии.*»

DRM будет делать то же самое, что и CPRM: предотвращать несертифицированный доступ к диску, CD–R приводу, монитору и любой другой компьютерной периферии. CPRM (поддерживаемый последними версиями Windows) будет, видимо, лишь одной из всего спектра мер, обеспечиваемых DRM.

Незаконным (и физически, без взламывания защиты, невозможным) окажется не только выкладывание чего бы то ни было в Интернет, но и копирование любого защищенного копирайтом материала для своего употребления или для архивных целей. Здравствуй, Адоб Ебук, с Алисой в Стране Чудес, которую запрещено копировать и читать вслух. Исключение (хи–хи) составят записи радио– и телепередач, осуществленные с целью посмотреть их в более удобное время. Разумеется, SSSCA поставит вне закона Линукс, FreeBSD, и вообще любую систему с открытым кодом.

Чтение SSSCA в Сенате было назначено на 25 сентября 2001 года, но из–за событий 11 сентября его отложили. Эксперты предсказывали, что законопроект пройдет Сенат на «ура» и застрянет в Конгрессе. С другой стороны, SSSCA имеет за плечами мощную поддержку крупнейших лоббистов, среди них Диснея, которому покамест удавалось провести через законодателей все желательные для него законы. Спонсор закона сенатор Фриц Холлинз возглавляет комитет по коммерции, один из наиболее влиятельных сенатских комитетов; по негласной сенатской иерархии, он находится где–то на самом верху пирамиды.

Решающей здесь является позиция гигантов софтвера; в первую очередь, монополиста Майкрософт, так наглядно продемонстрировавшего абсолютный контроль над законодателями и президентской администрацией. В настоящий момент, Майкрософт не поддерживает предложение сенатора

Холлинза. С другой стороны, весной этого (2002) года, Майкрософт реализовал (пока официально не утвержденный) Digital Rights Management и оформил патент на Secure PC – еще одну реализацию целиком закрытой компьютерной архитектуры. Не исключено, что недостаток энтузиазма в реакции Майкрософт на SSSCA – просто попытка оттянуть время, чтобы оказаться на этом рынке не с пустыми руками.

Доказательством любого тезиса является частое его повторение. Метафорическое отождествление пиратства и международного терроризма стало настолько общим местом, что и сам Майкрософт, наверное, верит, что основной источник финансирования Бен–Ладена – Интернет–порнографы и компутерные пираты. И на фоне продолжающейся истерики, принять SSSCA, объявив его законом по борьбе с компьютерным пиратством и Интернет–терроризмом будет проще простого. Все в руце Уилльяма Гейтса III–го, Князя мира сего, самого богатого человека на Земле.

Аппаратная «защита», вшитая в компьютер по SSSCA, выразится, видимо, в очередной версии системы Microsoft Windows, снабженной «защитой» и безальтернативно встроенной в компьютер на уровне каких–то железок. Как водится, она сделает компьютер гораздо медленнее и дороже. Немедленно найдутся умельцы, способные (путем вынимания половины частей и замены их на детали от пылесоса) превращать компьютер в знакомый нам всем PC–compatible; эта деятельность будет объявлена федеральным преступлением, по аналогии с переделкой полуавтоматического оружия в автоматическое. В Китае будут производиться старорежимные Пентиумы с Линуксом и всеми причиндалами; все остальные страны, под давлением WTO, примут законодательство, аналогичное американскому, хотя в половине стран третьего мира таки будут продаваться китайские импортные пентиумы, наряду с пиратскими дисками, детской порнографией и «Поваренной Книгой Анархиста».

Вопрос копирайта – это вопрос свободы и вопрос власти. Властны ли мы оперировать как нам хочется реальностью современного мира, транслируемой для нас по каналам электронных медиа? Или, может быть, реальность является частной собственностью, защищена торговой маркой, и мы не сможем называть вещи своими именами даже в частных разговорах? Имеет ли нищий учитель–энтузиаст право скопировать у своего соседа нужную ему для обучения детишек программу – или, скопировав программу, он немедленно окажется преступник? Если какой–то книги нет в продаже, потому

что хозяин копирайта не озаботился ее переизданием – могу ли я выложить эту книгу себе на сайт?

Принятое в Америке и Европе законодательство о копирайте, в рамках доминантной в России этической системы, абсолютно аморально. Давид Торо сказал «В государстве, которое заключает в тюрьму невиновного, место честного человека – в тюрьме». Когда в стране приходит к власти силы, этика которых несовместима с принятой в обществе – общество, по мере своих возможностей, сопротивляется; именно это и называется «гражданское неповиновение».

У русских имеется испытанный десятилетиями способ борьбы с копирайтом, культурной оккупацией и тупым свинством разжиревших бюрократов. Как только то или иное произведение изымается из обращения на основе нарушения «копирайтов», вступает в действие самиздат – запрещенный текст копируется из рук в руки, пока он не станет доступен каждому, в ком жив патриотизм и свобода. Сторонники интеллектуальной собственности, копирайтов, гамбургера и кока–колы могут победить Россию, но для этого им нужно убивать по миллиону жителей не в год, а ежедневно.

А пока Россия жива, о копирайте, на территории, населенной русскими, говорить некому – и не с кем.

Копирайта у нас нет.

notes

42. Голбат

Как летает этот странный покемон – непонятно, ибо размерами он, как Зубат, а весит, как добрая свинья. Он тяжело машет перепонками, пьет кровь, раздувается, бродит по пещере, волоча крылья... Короче, опускается, никому не интересен – ни журналистам, ни сотрудникам милиции.

Часто вспоминает молодость, когда был боевым Зубатом и мог выпить три ведра крови. Наверное, врет, но проверять эти факты никому неохота.

В сущности, его жалко, когда он бредет в темноте пещеры, никому не нужный, пропивший свою молодость кровью, и тихо хрипит свою любимую песню:

Голбат, батяня! Батяня Голбат,
Ты крылья не прятал за спины ребят...

Хотя какие спины ребят? Ребят в пещерах отродясь не бывало, одни туристы.

Ссылка: **http://www.gorchev.spb.ru/2-misc/pokemon/index.html**